

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра международных отношений, политологии и регионоведения

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент
_____ Л. И. Шестакова
«__» _____ 2019 г.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XXI В.:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЦЕЛИ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ-41.03.01.2019.099. ПЗ ВКР

Руководитель работы, к. и. н.,
доцент
_____ В. Е. Фейгин
_____ 2019 г.

Автор работы
Студент группы ЛМ-405
_____ Б. Е. Щерба
_____ 2019 г.

Нормоконтролер, профессор
_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Челябинск 2019

АННОТАЦИЯ

Щерба Б.Е. Экономическая политика КНР в Центральной Азии в XXI в.: основные направления и цели. – Челябинск: ЮУрГУ, ЛМ-405, 88 с., библиогр. список – 89 наим.

Выпускная квалификационная работа посвящена рассмотрению экономической политики Китая в Центральной Азии в XXI в., и изучению тех методов, с помощью которых Китай влияет на экономику центрально-азиатского региона.

В выпускной квалификационной работе рассмотрены этапы экономической политики КНР в Центральной Азии, на рубеже XX—XXI вв., также изучено экономическое сотрудничество между КНР и странами центрально-азиатского региона.

В работе проанализировано экономическое взаимодействие КНР с Центральной Азией в XXI в. Охарактеризовано экономическое взаимодействие КНР с Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменистаном, Казахстаном и Кыргызстаном.

Освещены причины появления ШОС. Дана характеристика причин экономического проникновения КНР в центрально-азиатский регион. Рассмотрели возможные последствия экономической политики КНР в рамках Центральной Азиатского региона.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
1 ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.	10
1.1 Становление экономических отношений КНР и стран Центральной Азии (1990—1995 гг.)	10
1.2 Формирование устойчивых экономических связей КНР и Центральной Азии (1996—2001 гг.)	25
2 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XXI В.: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ	37
2.1. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Таджикистан	43
2.2. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Узбекистан	48
2.3. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Туркменистан ...	59
2.4. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Казахстан	63
2.5. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Кыргызстан	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	78

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы Одним из ярких феноменов современного мира является динамичный экономический рост Китая, который проецируется и в политическую сферу. В процессе усиления своего влияния на мировой арене. Китай расширяет сферы своего влияния, обозначая свое активное присутствие в различных регионах мира. Прежде всего это касается в сопредельных с Китаем стран. В этой связи Центральная Азия, является одним из ярких примеров экономической и политической экспансии. Дополнительные измерения данной проблеме придает еще и то, что Центральная Азия, рассматривается как сфера своего влияния и Россией. Весь этот комплекс проблем предопределил актуальность данного исследования.

Действия, которые предпринимал Китай относительно Центральной Азии, постоянно анализировались, изучались на протяжении 20 лет, и подобный анализ дает возможность выделить три основных этапа, каждый из которых описывает каким образом Китай развивал свою внешнюю политику. Этапы:

- 1990—1995 годы;
- 1996—2001 годы;
- 2001 год—настоящее время.

На каждом из этапов китайское правительство создавало новые ориентиры своей экономической политики в регионе.

В ходе первого данного этапа правительство Китая начало осмысление новых условий в регионе, которые сформировались в результате распада СССР. КНР начинает налаживать и расширять дипломатические контакты с руководством с каждой из стран Центральной Азии, начинается формирование договорно-правовой базы и доверительных отношений. Стоит отметить, что Китай также пытается найти решение накопившихся проблем безопасности.

В ходе второго этапа начинают реализовываться механизмы и институты, которые направлены на взаимодействие на многостороннем уровне при участии Китайской Народной Республики. Также в этот период происходит динамичное развитие экономической политики Китая в Центральной Азии, что влечет за собой увеличение его присутствия в экономике региона.

Третий этап отсчитывается с событий 11 сентября 2001 года, которые активизировали процесс регионального сотрудничества — была создана новая организация на базе «Шанхайской пятерки», которая получила название ШОС — Шанхайская организация сотрудничества. Также в данный период китайское правительство перешло к политике «наступления», этот переход был сделан для того, чтобы кардинально переломить развитие ситуации в Центральной Азии в свою пользу.

Объектом работы — экономическое взаимодействие Китая с Центрально-Азиатскими странами.

Предмет работы — основные направления экономической политики КНР в Центральной Азии.

Цель работы является изучение экономической политики КНР в Центральной Азии в XXI в.

Задачи работы:

- изучить этапы формирования экономического взаимодействия КНР с странами Центральной Азии на рубеже XX—XXI вв.;
- определить цели, задачи, методы экономической политики КНР в Центральной Азии в XXI в.;

- рассмотреть экономическое сотрудничество КНР с Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменистаном, Казахстаном, Кыргызстаном.

Для решение поставленных задач и достижения цели были использованы методы системного и сравнительного анализа, исторический метод, а также методы анализа и синтеза.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1990-х гг., и по настоящее время. Данные хронологические рамки были выбраны для того, чтобы проследить как начиналось формирование экономической политики КНР в Центральной Азии после распада СССР, а также изучить каким образом происходило экономическое проникновение КНР в каждую из стран Центральной Азии вплоть до настоящего времени.

Степень научной разработанности темы довольно высока так, как и российские и зарубежные эксперты изучают различные аспекты экономического взаимодействия КНР и стран Центральной Азии. Особенно стоит отметить работы Е.В. Савковича, в которых рассматривается экономическое взаимодействия КНР и Центральной Азии с 1990 по 2012 гг., работу Л.Е. Васильева о политике мировых держав в Центральной Азии и каким образом она влияет на дальнейшее развитие ШОС. Из зарубежных авторов стоит выделить работу Чжао Хуашэна, в его работе рассматривается процесс создания ШОС и как ее рамках Китай регулирует вопросы безопасности, также стоит отметить работу Ван Хайяна, в которой рассматриваются перспективы и современное состояние торгово-экономического сотрудничества КНР и Центральной Азиатского региона.

По результатам работы был проведен анализ экономического взаимодействия КНР со странами Центральной Азии

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

1 ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

Китай и Центральную Азию связывают многовековые, исторические, политические и культурные связи, однако современное взаимодействие начинается с времени приобретения бывшими Советскими республиками государственной независимости и суверенитета.

1.1 Становление экономических отношений КНР и стран Центральной Азии (1990—1995 гг.)

Первый этап выпал на начало 1990-х годов. В 1991 году произошел распад Советского Союза, что стало большой неожиданностью для Китая, поскольку Центральная Азия все это время была под влиянием Москвы. Китай не имел четко сформулированных планов и долгосрочных интересов в данном регионе и не предвидел таких резких изменений. Кроме того, на постсоветском пространстве складывалась ситуация полной неопределенности, объясняемая экономическими трудностями, проблемами безопасности, вопросами границ. Китай в этот период не делал ставки на Центральную Азию, как на регион где стоит развивать свою внешнеэкономическую политику. На тот момент положение Пекина в мире было крайне нестабильное. Экономика Китая не давала ставить масштабные цели. Важной целью для Китая становилось налаживание хороших отношений с Россией, потому что стартовой точкой влияния в Центральной Азии являлась Москва. Это

послужило еще одной причиной того, что Центральная Азия не рассматривалась китайским правительством, как одно из главных направлений собственной экономической экспансии на данный период.

В свою очередь, страны Центральной Азии также не рассматривали сотрудничество с Китаем как одно из перспективных направлений. Наиболее развитые страны Запада, Россия, а также страны исламского мира, которые являлись более близкими по духу и культуре, вот те экономические партнеры, которые являлись основными для региона в начале 1990-х годов.

Кроме того, в политических элитах центрально-азиатского региона сохраняется инерция советского мышления «Политика выжидания» — отношение к Китаю как к потенциальному противнику. Отсюда осторожное поведение в отношении КНР. Так называли ту политику, которую проводил Китай в Центральной Азии в 1990-х годах. Пекин видел необходимость в принятии решений по ряду вопросов в тандеме с Россией: установление дипломатических связей, выработка единой позиции по вопросу уйгурского сепаратизма. Экономические отношения были недостаточно развиты и ограничивались торговлей, обороты которой не так велики. В период 1992—1995 годов товарооборот с Центральной Азией был не выше 360—512 млн долларов в год [35].

Необходимо объяснить, что КНР еще в советский период активно занималась изучением региона. К концу 1980-х годов была организована группа специалистов, которая начала изучение советских республик Средней Азии и Казахстана, это была попытка создать крупнейшее исследование по Центральной Азии. Работа получила название «Ситуация в регионе Средней Азии СССР» и была окончена в 1991 году – к моменту распада СССР.

Работа, по изучению вновь образовавшихся после распада Советского Союза государств, была продолжена. Пять государств нового постсоветского пространства попали в поле исследований и были объединены по ряду признаков в регион Центральная Азия, в него входили такие государства как: Таджикистан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. От Китая требовалось в

максимально сжатые сроки создать собственные исследовательские подразделения высокого уровня и продолжать исследования в рамках существующих центров, так как повысилось внимание Запада к региону [50].

Материалы, которые получили исследователи гораздо раньше, не остались без внимания. Исследовательская группа, которая была создана в Синьцзян-Уйгурском автономно районе, (СУАР) продолжила научные исследования, после одобрения Государственного комитета по науке КНР. На этом этапе изучения Центральной Азии рассматривались уже новые и независимые государства региона. Сборник 1992 года назывался «Справочник: пять государств Центральной Азии». В данной работе была собрана статистическая информация о странах региона, о его частях, а также о региональном развитии вплоть до микроуровня. Для китайских компаний, которые осуществляли свою деятельность во внешней торговле, данные материалы имели огромное практическое значение [59].

Позитивным моментом стало наличие успешного опыта работы СУАР с Республикой Казахстан еще в советский период. Так, на пример, в середине 1989 года между СУАР КНР и КазССР было подписано соглашение об экономическом, техническом и торговом сотрудничестве на 1989—1995 года [62].

В работах китайских исследователей основное внимание уделялось проблемам экономического развития во вновь образовавшихся государствах. Тщательно исследовались перспективы развития экономики и текущее состояние государств Центральной Азии. Со стороны Китая интерес выражался в создании Синьцзянской школы трансграничных экономических исследований.

СУАР граничит сразу с тремя государствами Центральной Азии – это: Казахстан, Киргизия и Таджикистан, и это единственная административно-территориальная единица КНР, имеющая подобную территориальную специфику. На границах СУАР установлено 17 контрольно-пропускных пункта первого уровня и 12 – второго уровня. Обслуживание структуры внешней торговли происходит посредством деятельности этих контрольно-пропускных пунктов [51].

Города и уезды, расположенные вдоль границы, попадают категорию «открытости» — комплексная система, включающая столицы приграничных провинций и функционирующие в них разнообразные зоны экономического развития, также приграничные открытые города и созданные в них зоны приграничного экономического сотрудничества. «Система примостовой открытости», так некоторые исследователи в своих работах называли данный пояс открытых городов [43]. Понятие, открытости тесно связано с концепцией воссоздания «Великого Шелкового пути». Трансазиатская железная дорога проходящая через СУАР выступает в роли современного моста. Эта магистраль связывает КНР с европейскими государствами через Центральную Азию [6]. Но для Китая данная магистраль играет важную роль, тем что связывает Восток и Запад страны.

Географическое положение Синьцзяна, вот главная особенность развития данного региона, но были и внутренние факторы, которые усложняли удаленное расположение автономного района на северо-западе КНР. Отдаленность морских портов, присутствие высокого удельного веса традиционной экономики, неудобство транспортных коммуникаций.

Руководство КНР с началом проведения «политики реформ и открытости» разработало собственные планы развития региональной экономики. В основу данных разработок легла концепция «геополитических преимуществ» Синьцзяна, предполагавшая использование особого геополитического положения. Между восточными и западными регионами КНР в начальный период «реформ и открытости» существовал разрыв. Синьцзян отличающийся небольшими темпами экономического роста и объемом ВВП относился к западным регионам [64].

Из этого следует, что основной целью для развития страны стало уменьшение этого разрыва. В период первой пятилетки и в срок до 2010 года, центральное правительство Китая, разработало план мероприятий, согласно которому региональное экономическое развитие контролировалось из центра, но сокращение экономического отставания от Запада стало основной целью. Также, был озвучен

план из пяти мероприятий, который был нацелен на развитие западной части страны [61].

1990-х годов появились региональные стратегии развития Запада и Востока. Первенство принадлежало Комитету по делам реформ и развития при Госсовете КНР. Работа по созданию стратегий велась на всех уровнях, что показывает наличие исследовательских материалов. Для проведения экономического эксперимента, перед центральным правительством встал выбор провинции, которая станет опытной площадкой.

Такой площадкой мог стать Синьцзян-Уйгурский автономный район. Председатель КНР Цзян Цзэминь в ходе его инспекционной поездки по Синьцзяну в июле 1998 отметил, что «при стабильном развитии СУАР, всего региона Центра и Запада, только в этом случае возможен выход на новый уровень развития в масштабах всей страны» [62]. В той же поездке, были внесены важные предложения по ускорению развития Синьцзяна [61]. Синьцзяну было отведено важное стратегическое место, это подчеркнул Цзян Цзэминь, словами о том, что «государство увеличит поддержку Центру и Западу» [61]. В этот период были сформированы три направления в рамках региональных стратегий:

- стратегия развития приморских регионов;
- стратегия развития Центра и Запада;
- стратегия развития Синьцзяна.

Из этого следует, что СУАР занял важное место «переднего края» в стратегии развития государства и был выделен в масштабах Запада КНР. Именно здесь возможно осуществить особый вариант «открытости», и отмечалось, что потенциал развития автономного района очень велик. «Приграничная сухопутная открытость» может реализоваться в результате активного использования Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ) – также, в конце 2000-х годов была проложена трасса и на юг Синьцзяна.

Синьцзян представлял собой многонациональный район, «западные ворота Китая», а увеличение темпов развития СУАР, могло привести опережение

Синьцзяном в дальнейшей перспективе уровня развития сопредельных государств. В Большой Центральной Азии Синьцзян становился центром притяжения и интеграционных процессов, с учетом повышения уровня жизни населения.

Для реализации собственных планов регионального развития, правительством был выбран Синьцзян. «Не зависимо от того, с какой точки зрения мы рассматриваем ситуацию – с политической или экономической, у нас нет другого выхода, кроме как ускоренно развивать региональную экономику Синьцзяна», подчеркнул Цзян Цзэминь [61].

Отслеживался процесс приграничной торговли, к началу 1990-х годов в СУАР, руководство Китая увеличивает полномочия региона по ведению внешнеэкономической деятельности. В интересах Синьцзяна было использовать материальные, научные и технические возможности приграничных стран Центральной Азии в интересах собственного развития [44, с. 34]

В 1992 году Комитетом КПК СУАР было принято решение о формировании районов, граничащих с Синьцзяном в рамках проектов по внешнеэкономической деятельности и был опубликован документ «Решение об ускорении движения в направлении реформ и открытости, ускорении развития экономики Синьцзяна» [66]. В других документах регионального и национального уровня, отражались конкретные задачи по развитию поставленные в «Решении». Было подчеркнуто, что «Из-за геополитического преимущества можно подтянуть преимущества по ресурсам, поощрять производство торговлей, увеличивать размеры внешней торговли, строить торговые и транспортные узлы; Было принято решение превратить Синьцзян в базу товаров и производственную базу, тех товаров, которые привозят из Китая и из-за рубежа, для перевозок товаров на запад и в центр торговли и туризма» [44, с. 35—36]

Руководство СУАР и комитет КПК составил «Просьбу по вопросу дальнейшего расширения политики открытости СУАР» и отправил ее на рассмотрение и утверждение Госсовета в апреле 1992 года. В данной просьбе были предложены формы открытости и эти формы были сформулированы таким образом:

- открытость на протяжении всего железнодорожного пути.
- прогрессивная открытость границ.
- создание и развитие открытых городов являлась опорной открытостью [44, с. 35—36].

28 июня 1992 года народное правительство СУАР приняло документ № 61, «Льготная политика СУАР по дальнейшему расширению внешнеэкономической деятельности и поощрению вложений иностранного капитала». В данном документе было указано, что правом торговли на основе обмена со странами приграничных регионов и странами СНГ, пользовались компании с иностранным капиталом [67].

Начало усиления экономики региона СУАР было положено реализацией проектов в 1996 году. В данных проектах были отражены такие отрасли как масштабная застройка, реализация абсолютно новых систем кредитования, а также сферы производства и все это было направлено на обеспечение внешней открытости. В сравнении с другими административными и территориальными образованиями, руководство Китая оказывала СУАР гораздо большую поддержку.

С момента обретения государствами Центральной Азии государственной независимости и суверенитета, китайское правительство начало активное использование новых геополитических преимуществ для экономического проникновения в регион. Эти преимущества были обеспечены сформированным к началу 90-х гг. системному взаимодействию между КНР и бывшими советскими республиками.

«Геополитическое преимущество Китая (СУАР)», «Сходство экономической структуры» (СУАР КНР и государств Центральной Азии), а также «высокая степень взаимодополняемости экономик», являлись понятиями, которые находили отражение в опубликованных работах китайских ученых, которые были посвящены анализу сотрудничества с окружающими странами [68].

В начале 1990-х годов китайское правительство ставило на быстрые темпы роста внешнеэкономических связей с Казахстаном и Узбекистаном [71, с. 146, 171].

Но в следствии оказалось, что для китайско-узбекского сотрудничества этого было недостаточно, так как отсутствовали базовые условия, а именно – общие границы, вследствие чего приходилось проводить все сделки через посредников. Государства у которых была общая граница с Китаем, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, стали играть основную роль в расширении связей примерно с середины 1990-х годов [69]. С данными государствами у Китая быстрыми темпами росла внешняя торговля и была отстроена система КПП. Наименее сформированной к началу 2000-х годов являлась торговля с Таджикистаном, из-за причин геополитического характера. Но позже Китай начал использовать наличие крупных финансовых ресурсов, как преимущество, которое позволяло инвестировать в экономику региона. В результате, удалось поднять интенсивность двустороннего торгово-экономического сотрудничества с Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном до среднего уровня по региону. Но лидером практически по всем показателям оставался Казахстан [50].

После распада Советского Союза, ученые стали выделять вариации этапов развития связей КНР со странами Центральной Азии [72, с. 20]. Цин Фанмин в своей публикации выделил два больших этапа: с 1992 по 2000 года и с 2001 года по настоящее время. Цин Фанмин объединил два этапа 1990-х годов в один большой. На первом периоде были сформированы различные подходы к реализации связей, и появление различного рода особенностей двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Он давал характеристику сотрудничеству в этот период как «функциональное». Когда на периферию вышли механизмы многостороннего сотрудничества, то этот период охарактеризовался тем, что появился ШОС и его роль в этом этапе.

Период формирования торговых, экономических и дипломатических отношений с новыми государствами Центральной Азии занимает время с 1992 года до создания «Шанхайской пятерки» в 1996 году. С момента получения независимости, свобода внешней торговли в странах Центральной Азии стала лишь частично управляемой. Представители частного предпринимательства начали

решать проблемы государства и общества, таким образом, что начали находить партнеров за рубежом, так же их целью было обеспечить внутренний рынок товарами вследствие чего начался рост приграничной торговли и развитие частного бизнеса. Стоит отметить, что развитие бизнеса также зависело от возможности находить партнеров в соседнем Синьцзяне.

На тот момент был разработан лозунг, обозначающий дальнейшее развитие политики Китая в регионе, «соединение с востоком, выходы на западе». Разрабатывались планы по всесторонней открытости для социально-экономического развития региона СУАР. Китайские компании, которые выступали посредниками в общении с контрагентами из Центральной Азии, получали большие субсидии от китайского правительства. Крайне значимым событием в данном процессе стало открытие Урумчийской приграничной торгово-экономической ярмарки. Обслуживание экспортно-импортных операций, открытие торговой сети, освоение рынка и создание совместных предприятий – все это являлось задачами, которые ставились перед китайскими компаниями. Все это послужило хорошей базой для того, чтобы развитие двусторонней региональной торговли становилось более устойчивым.

В заявлении о сотрудничестве КНР и Узбекистана 1992 года, сказано, что важным критерием отношений между двумя странами, является их экономическое сотрудничество и взаимная торговля. Также, стороны будут использовать уже имеющееся двустороннее эффективное сотрудничество для ведения торгово-экономической деятельности, а также будут поощрять и защищать взаимные инвестиции, развивать торговлю, обмены, взаимные связи в экономике, а также работать над созданием законодательной базы сотрудничества [83].

Благодаря визиту премьер-министра Ли Пэна в Центральную Азию в 1994 году, к базовым соглашениям были добавлены дополнения. Стороны достигли договоренностей, суть которых состояла в том, что нужно продвигать и развивать торговое и экономическое сотрудничество, также на уровне регионов и предприятий налаживать прямые связи, структурировать и совершенствовать не

только экономическое взаимодействие, но и законодательную базу, в том числе активизировать работу по созданию благоприятных условий для развития всех форм и методов торгового и экономического сотрудничества, все это было отражено в заявлении опубликованном по итогам визита в Центральную Азию [35]. Во время визита Ли Пэнном были поставлены и конкретные экономические задачи.

Ли Пэн начал развивать идею постройки нового евразийского транспортного коридора, как одно из основных направлений развития двустороннего сотрудничества между Китаем и Центральной Азией — это было озвучено на встрече с бизнесменами в Казахстане [35]. Вторая Трансазиатская железная дорога – стала самой главной целью и поставило сотрудничество с Казахстаном в ранг приоритетного. Но данное направление было выбрано с целью сокращения перевозок через территорию России, что позволяло сэкономить ресурсы.

Инвестиции, коммуникации, наука, техника, торговля и т. д., стали главными приоритетами для развития партнерской деятельности между КНР и странами региона [72, с. 21].

Контроль и реализация программ регионального сотрудничества между СУАР КНР и государствами Центральной Азии стал гораздо проще, причиной стало то, что со стороны Китая участие в проектах принимал единственный регион. Город Урумчи получил право на проведение особой торговой политики, так как за ним был закреплен статус открытого города еще в начале 1992 года. В дальнейшем Урумчи, станет центром открытости и региональной торговли в большинстве приграничных городах и уездах КНР.

Во главу угла, в отношениях между странами, встало развитие торговли. Было объявлено о начале реализации 18 проектов на общую сумму 40 млн долл. [56]. Это стало возможным благодаря тому, что Синьцзян-Уйгурский автономный район и государства Центральной Азии в сентябре 1994 года подписали соглашение о сотрудничестве в сферах экономики и технологии [56].

На резкий рост развития внешнеторговых отношений СУАР и стран Центральной Азии, повлияли следующие факторы:

- больших размеров потребительский рынок;
- торговля, основанная на бартере;
- торговые затраты, но не в большом количестве;
- географическая близость;
- товарные потоки, а самое главное их рост.

При этом стоит упомянуть тот факт, что продукция, привозимая из Китая в Центральную Азию, не соответствовала даже внутренним китайским стандартам.

Для Китая приоритетной становится задача по совместному развитию со странами Центральной Азии, что означало изменения в структуре экспортно-импортных связей. Требовалось обеспечить выход на более высокий уровень сотрудничества в сферах науки и техники. Например, такого рода сотрудничество было развито между КНР и СССР в середине-конце 1980-х годов [47]. На данном этапе, были подписано множество соглашений, межгосударственных соглашений, которые гарантировали подобное сотрудничество. Постепенное усложнение форм и способов внешней торговли, привело к нововведениям к середине 1990-х годов.

Так, например, новым явлением стал «Шоп-туризм». Соглашение о «шоп-туризм», было подписано между Казахстаном и СУАР КНР, так же было подписано соглашение о «взаимных посещениях КНР и Казахстана» в 1991—1992 годах. Для населения приграничных районов, данный вид торговли становится очень выгодным и позволяет быстрее повысить уровень жизни населения.

Открытие КПП на границе осуществляется в рамках «политики открытости» с китайской стороны начале 1990-х годов. Примерами стали такие КПП, как Хоргос, Тачэн, Туругарт, Алашанькоу и т. д. Появился прямой доступ к продукции, производимой в другой стране, а также к рынку данной страны, все это стало происходить в гораздо меньшие сроки. Количество КПП с 1992 по 1994 гг., вдоль границы КНР с Казахстаном увеличилось в 2 раза. Но также, параллельно с ростом КПП, процесс улучшения инфраструктуры Синьцзяна [76].

Еще одним важным направлением сотрудничества стало создание совместных предприятий. Данный процесс был начат в 1992 году, далее в 1993 году уже было построено и зарегистрировано 95 совместных предприятий, а дальше больше и в начале 1994 года было зарегистрировано и эксплуатировалось уже 435 предприятий с китайским капиталом [72, с. 27].

В некоторой степени изменилась структура товарных поставок, что выявилось по итогам межгосударственного сотрудничества первых 3—4 лет. Ранее значительную часть товарооборота составляли товары народного потребления, сырье и ресурсы, затем происходит расширение объемов торговли и товарных наименований. Станки для легкой промышленности, оборудование для переработки сырья, электрооборудование, лекарства и медицинское оборудование, электрооборудование и т. д., все это указывает на то, что китайский экспорт совершенствовался и диверсифицировался. Структура взаимоотношения КНР и Центральной Азии больше начинает напоминать отношения развитого государства и слаборазвитых стран. Роль СУАР в этом вопросе доминирующая несмотря на то, что часть товаров поступает из других регионов Китая. Мясо, кукуруза, сахар все эти продукты Центральная Азия импортирует, поскольку регион не хватает продовольственных товаров. На общие объемы производства СУАР и на рост экономики в целом, в дальнейшем оказывает влияние большой формирующийся спрос. Продукция добывающей промышленности, металлический лом, нефть, металлы и не металлы, нефтепродукты, автомобили, хлопок, лес и удобрения, все это были составляющие экспорта из Центральной Азии в Китай, на протяжении всего периода с 1992 по 1995 гг. Все эти товары были необходимы для развития КНР и приобретались либо бартером, либо по ценам ниже рыночных.

Развитие сотрудничества в сферах науки, техники и экономики, стало более высоким уровнем сотрудничества. Достижения в сферах науки и техники, а также эти отрасли в целом, должны были стимулировать развитие экономики как это было в КНР. От торгово-экономического сотрудничества, которое являлось наиболее простым, данные направления были отделены. В ходе многочисленных

визитов делегаций различного уровня постепенно изучался уровень развития техники и науки в странах Центральной Азии. Пусть процесс шел очень медленно, но несмотря на это производственная сфера оставалась важной областью сотрудничества. В сфере науки, экономики и техники, конкретно в этот период определились следующие основные направления сотрудничества:

- кредитование на взаимной основе;
- поставки оборудования, техники и комплектующих на взаимной основе;
- реализация планов по строительству совместных предприятий;
- вклад в развитие двусторонних инвестиционных проектов;
- развитие потенциала в научно-исследовательской сфере [72, с. 29—30].

Но не смотря на достигнутые результаты, также стоит уделить внимание и проблемам двустороннего сотрудничества, которые отмечали обе стороны. Проблемы были следующие:

- транспорт и коммуникации;
- разный экономический потенциал стран Центральной Азии и КНР;
- наблюдалась разница экономических систем, а также инвестиционного законодательства;
- в сферах науки и техники наблюдались проблемы в вопросах сотрудничества;
- в начальный период сотрудничества, выше перечисленные проблемы в той или иной степени влияли на ситуацию. Для Китая, регион Центральная Азия не являлся приоритетным в отличии от стран Запада, конкретно США и ЕС. По уровню экономического потенциала, лишь показатели Казахстана из всех стран Центральной Азии, можно было сравнивать с потенциалом одной из частей КНР – СУАР [51].

Также были проблемы с национальным законодательством, это выяснилось в ходе осуществления двусторонней торговли. Законодательные нормы не успевали за меняющейся ситуацией в экономике. В международном и национальном законодательствах, чаще всего одни и те же понятия трактовали по-разному [69].

Изначально для Китая бартерная торговля была выгодна, но позже это стало проблемой для сторон. Так же была другая проблема – низкое качество контрактов, которые выполнялись контрагентами. Причиной этого были бартерные схемы, являвшиеся основой внешней торговли.

Не все было гладко и в инвестиционной сфере. Инвестиционные потоки не оправдывали возлагаемых на них ожиданий, и это при том, что практически в каждой из государств Центральной Азии инвестиционное законодательство было достаточно либеральным. Нестабильность политического и экономического характера, являлась одним из факторов [73]. Но несмотря на это, было понимание того факта, что расширение внешнеэкономического сотрудничества будет способствовать быстрому осуществлению реформ. Недостаточная открытость отраслей, высокий уровень административных барьеров, высокие издержки все эти недостатки системы являлись только общими для Центральной Азии.

На государственном и межрегиональном уровне большинство этих проблем могли разрешиться за счет достижения полномасштабных договоренностей.

Страны Центральной Азии находились в транспортной изоляции, из-за чего транспортную проблему взялся решать Китай. Главной задачей было создание базовой транспортной сети в СУАР и налаживание транспортных связей Центральной Азией, кроме того нужно было создать и организовать деятельность КПП. Развитие всей региональной экономики, могло основываться на внешней торговле, которая, в свою очередь нуждалась в инфраструктуре. Созданный переход «Алашанькоу—Дружба» и открытие первых КПП, способствовали росту товарооборота. Коммуникации должны были обеспечить пассажиропоток, международный транзит грузов и двустороннюю торговлю. Часть компаний открывают свои представительства в соседних регионах в целях облегчить международные контакты. Осуществляется сотрудничество в сфере авиасообщений, например, в июне 1995 года состоялось официальное открытие рейса № 132 в направлении Кыргызстана, который был открыт совместными

усилиями Синьцзянским пограничным туристическим агентством и киргизской компанией [42].

Сотрудничество в области науки и техники отставало от развития торгово-экономического сотрудничества. Многие предприятия были только зарегистрированы и не осуществляли никакой деятельности, несмотря на то, что количество данных предприятий выражалось трехзначным числом. Китайские авторы постоянно указывали на низкую эффективность таких совместных предприятий [73].

Стоит отметить, что на первом этапе были получены достижения – практически в каждой сфере, несмотря на многие проблемы, развивается сотрудничество, китайская формула «взаимодополняемости экономик» реализуется на практике. Китай проявлял крайнюю осторожность и не показывал особого интереса по отношению к странам Центральной Азии в плане развития экономического и институционального сотрудничества. Также Пекин опасался испортить отношения с Москвой, это было вызвано сложной международной обстановкой вокруг КНР, и все это привело к тому, что процесс нормализации отношений с Центральной Азией протекал крайне медленно [54].

Для государств Центральной Азии этап с 1990 по 1995 год это период адаптации к новым политическим и экономическим реалиям в условиях спада экономики. Страны региона также осознавали, что взаимодействие с такой страной как Китай им крайне необходимо и, более того, неизбежно. На путь установления дипломатических отношений и признание суверенитета государств Центральной Азии, Китай вышел одним из первых государств. Но со стороны стран региона, на тот период сближение с КНР не считалось приоритетным в плане внешней политики этих стран. На это были свои причины:

– Модель развития Китая была не очень привлекательной, а экономика была еще слаба и по этим причинам государства Центральной Азии не рассматривали Китай в качестве одного из ключевых партнеров. Также основные надежды на

выход из кризиса возлагались на более развитые государства исламского мира, ведь они также были и близки по культуре, а также Запад и Россию.

– Опасение стран региона вызывала возможная экспансия, как территориальная, так и демографическая. Эти опасения подкреплялись исторически непростыми взаимоотношениями с Китаем [4].

– В Китае у власти находилась коммунистическая партия, в то время как государства Центральной Азии, наоборот, скорее хотели избавиться от идеологии социалистической эпохи, а вызвано это было тем, что начался процесс суверенизации и налаживание отношений с исламским миром и Западом [4].

Таким образом, на данном этапе взаимодействия с КНР для стран Центральной Азии не являлись приоритетными.

1.2 Формирование устойчивых экономических связей КНР и Центральной Азии (1996—2001 гг.)

На данном этапе Китай значительно активизировался в отношении государств Центральной Азии. Для этого имелся ряд причин. Прежде всего внешняя политика Пекина требовала корректировки. Обострение ситуации вокруг Тайваня в 1995—1996, спровоцировало очередной этап противостояния Китая и США, но также сказалось событие 1997—1998 годах, в этот период произошел финансовый кризис в Юго-Восточной Азии. Стоит отметить, что данные события убедили руководство Китая, что для достижения прорыва в собственном экономическом развитии, нужно было начинать и переформатировать мягкую внешнюю политику в наступательную. США пытались создать однополярную систему международных отношений и Китай воспринимал это как нежелательное развитие событий. Еще одной причиной стало то, что перед Пекином стояли вопросы обеспечения безопасности и развитие СУАР, точнее СУАР являлся приоритетным в плане экономического развития собственных районов [27].

Таким образом, во второй половине 1990-х годов, китайское руководство взяло курс на достижение статуса великой державы, которая будет не только реагировать на процессы, которые происходят в международной системе, но будет сама

К тому же, китайское правительство ставило перед собой крайне важные задачи, в которые входили, такие задачи как:

- Поиск союзников;
- Союзы между государствами, а конкретно усиление и их формирование;
- Многосторонние институты, в которых Китай мог сыграть роль не только как создатель, но и в их деятельности претендовать на статус одного из лидеров [27].

Китай отказался от «стратегии выжидания», которая оказалась не самым практичным решением, и сделал упор на «стратегию постепенного проникновения». На приграничных с Китаем территориях присутствовали проблемы, которые беспокоили китайское правительство: социально-экономического развития, а также проблема безопасности.

Страны Центральной Азии находились перед лицом серьезных угроз, транснационального характера: наркотрафик, исламский радикализм и экстремизм, а также международный терроризм. Пекин это прекрасно понимал, также как осознавал и причины этих проблем: во-первых, это было связано с нестабильностью в Афганистане, что привело к росту различных террористических, националистских, религиозных экстремистских организаций, на территории Центральной Азии во второй половине 1990-х годов; во-вторых, это было связано с тем, что экстремистские группы исламистов вели активные наступательные действия в СУАР, перенося их на территорию Центральной Азии, используя при этом террористические методы борьбы. В этой связи, постоянное развитие уйгурского сепаратизма, что вызывало у Пекина особое беспокойство [36].

Рост экономики Китая, вызывал и рост потребностей, которые нужно было удовлетворять, в связи с чем для китайского руководства, в середине 1990-х годов, возрос интерес к центрально-азиатскому региону, ведь официально было подтверждено, что в Центральной Азии и в Каспийском регионе находились

большие запасы нефти и газа. Из этого вытекало, что для китайского правительства приоритетней становилась задача по обеспечению свободного доступа к энергетическим ресурсам Центральной Азии.

У китайского руководства на тот период, также были планы по развитию центральных и западных провинций Китая, а в связи с новыми факторами, эту программу можно было ускорить, и Центральная Азия вызывала тем самым к себе еще больший интерес. Для того, чтобы простимулировать рост своих национальных окраин, китайское руководство решило использовать географический фактор близости с Центральной Азией и задействовать ресурсно-сырьевой потенциал региона, а также продвинуть свои товары на центрально-азиатские рынки.

В период с 1996 по 2001 годы, систему внешней торговли демонстрировала зависимость, которая была между государствами Центральной Азии и рынков КНР, китайские исследователи в своих работах дали ей название «хубусин» [72, с. 24], что переводится как взаимозависимость. Ранее, уже был выделен тот факт, что основным партнером КНР выступал Казахстан. СУАР выступал со стороны Китая. Большая часть двустороннего товарооборота Китая со странами ЦА, приходилась на СУАР, товарооборот составлял от 87,15 % за 1996 года и 65,8 % за 2001 год, благодаря преимуществам его геополитического положения.

За период с 1996 по 2001 год, экспорт в Казахстан вырос в 6,3 раза, также было обращено внимание на тот факт, что структура экспорта претерпела изменения, а в Казахстан пошли поставки товаров народного потребления, которые отличались от поставок тех же товаров в период с 1990 по 1995 гг., более глубоким уровнем переработки. Китай сокращать поставки пищевой продукции, а оборудование для предприятий, химическая продукция и металлы, доля данных товаров повысилась [51].

Также стоит обратить внимание на тот факт, что экономика Казахстана восстанавливалась с середины и до конца 1990-х годов, что стало фактором, объяснявшим рост импорта и экспорта. Промышленность была одним из первых

секторов экономики, который восстановился и начал работу на экспорт. В период существования СССР, страны центрально-азиатского региона не специализировались на том, чтобы выпускать товары народного потребления, что объясняет огромный импорт этих товаров, объяснявшийся еще и ростом спроса на внутреннем рынке. Но была и другая сторона медали, плановая экономика, в рамках которой не было возможности продавать сырье по рыночным ценам, также не было возможности использовать ресурсные преимущества. В первой половине 1990-х годов, страны региона не могли получить большую финансовую выгоду от экспорта сырья и энергоресурсов, так как мировые цены на них были низкими. Легкая и текстильная промышленность, наоборот были более развиты у китайской стороны, что и позволило нарастить экспорт товаров данных отраслей на соседние рынки.

В списке торговых партнеров Китая, центрально-азиатский регион, несмотря на то, что его доля постепенно повышалась, все равно занимал не самое высокое место, даже учитывая то, что повысился рост емкости рынков и рост экономик стран региона. На втором этапе, доля всех стран региона во внешней торговле Центральной Азии не превышала 1 %. Страны АСЕАН, Япония, США, Гонконг и ЕС, являлись основным торговыми партнерами Китая в этот период [74].

Китайский исследователь Син Гуанчэн, в своих работах отмечал, что во время саммита в Алма-Ате, который проходил 3 июля 1998 года, руководители стран шанхайской пятерки пришли к тому, что необходимо взаимопонимание в процессе продолжения консультаций по налаживанию сотрудничества в таких сферах как экономика, торговля и в освоении и транспортировке энергоресурсов [75]. На этом саммите была достигнута договоренность о налаживании между государствами-членами ШОС многостороннего экономического взаимодействия.

Отношения между государствами вышли на новый этап к 2001 года. Данный этап можно охарактеризовать тем, что Китай повышает свою активность в центрально-азиатском регионе, также свою деятельность начала Шанхайская организация сотрудничества.

В первой половине 1990-х была создана группа «4+1», на ее базе был создан механизм взаимодействия, на него в дальнейшем и делали упор, когда создавали «Шанхайскую пятерку», данная организация была создана совместными усилиями российского и китайского руководства в 1996 году. «Шанхайская пятерка» являлась абсолютно новым институтом, который должен был обеспечивать сотрудничество между странами в сфере безопасности. Первоначально в состав организации вошли страны Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, т. е. страны имевшие общую границу, общая протяженность которой составляла 7 тыс км, с Китаем немногим позже в 2001 году, в организацию вошел Узбекистан. Далее уже на основе «Шанхайской пятерки» в 2001 году была создана ШОС – Шанхайская Организация Сотрудничества [36].

Перед главами государств встала проблема, каким образом в дальнейшем проводить переговоры. Было решено, что Китай будет представлять одну сторону диалога, а остальные страны объединятся и будут представлять вторую сторону диалога, таким образом переговоры продолжались в двустороннем порядке. Таким образом, была создана «Шанхайская пятерка».

Встреча в Шанхае имела большой успех и на основе этого факта в дальнейшем, главы государств участниц стали проводить встречи каждый год и в порядке очереди в каждой из стран.

Следующая по счету встреча глав государств организации состоялась в Москве, 24 и 25 апреля 1997 года. Было достигнуто очередное соглашение, суть которого состояла в том, что нужно совместными усилиями сократить присутствие военных сил в районе границы, это соглашение стало важным документом в деле обеспечения безопасности на границе.

Очередная встреча прошла в Алма-Ате с 3 по 4 июля 1998 года. На этой встрече стало понятно, что в развитии отношений между странами-участницами есть противоречия. Каждая из стран участниц отказались от прежней формы, а именно представлять одну сторону на встречах «Шанхайской пятерки». Самостоятельные позиции занял руководитель каждой из стран. Толчок к усилению развития

отношений между участниками организации дали следующие темы, обсуждавшиеся на встрече в Алма-Ате: проблемы в сфере экономики, проблемы, связанные с безопасностью на региональном уровне.

Очередная пятая встреча состоялась в 2000 году и проходила на территории Таджикистана, столице Душанбе. Россию представлял Владимир Путин, который сменил Ельцина на посту президента. Ислам Каримов, президент Узбекистана принял участие на пятом съезде в качестве наблюдателя. Руководители государств-участниц пришли к соглашению о том, что для дальнейшего расширения сферы сотрудничества, государства должны проводить совместные учения и маневры, в целях противодействия военной угрозе.

Все эти собрания скорректировали цели и задачи организации. От решения вопросов о пограничном урегулировании ШОС перешла к решению проблем национальной безопасности. Кроме того, расширялись сферы интересов в экономическом и культурном сотрудничестве. В деятельности организации были заинтересованы все участники, как следствие функции организации расширялись, а вместе с этим расширялись и цели, которые обеспечивали сотрудничество в более широких плоскостях и на более высоких уровнях. Потребности в сотрудничестве, которые возрастали в течении первых пяти лет существования организации, сделали «совещательный» формат организации недостаточным для долгосрочного и планомерного развития.

Потребность в реструктуризации «Пятерки» и создании на ее основе организации в сфере регионального сотрудничества осознавалась политиками и экспертами. Был сделан вывод о том, что нужно делать это постепенно и учитывать наличие условий для каждого из этапов реструктуризации.

До начала нового раунда встреч представителей государств в 2001 году, в теории существовало два варианта дальнейшего развития событий:

– «Шанхайская пятерка» продолжила бы свою деятельность в старом формате, но в таком режиме организация могла просуществовать до того времени, пока не

появятся условия для создания на ее основе организации в сфере регионального сотрудничества;

– моментальная ее реструктуризация в региональную структуру [89].

Возможности в быстром реагировании и адаптации к изменениям, а также гибкость в структурного и организационного характера – все эти параметры появились бы в том случае, если бы организация оставила за собой статус форума международного уровня. Недостатки были следующими: Низкая эффективность исполнительной структуры, также были разногласия внутри самого образования.

В том случае, если бы организация провела реструктуризацию и стала бы организацией в сфере регионального сотрудничества, то по некоторым параметрам, новая организация точно выигрывала, повысился бы уровень эффективности. Организация, также стала бы четко выделять свои цели. Безусловно все эти моменты, можно выделить как преимущества данного варианта развития событий. Недостатки были следующими: в следствии изменений внутри организации, к странам-участникам были бы предоставлены совершенно иные требования, это выражается на фоне того, что участие в организации сотрудничества накладывает определенные обязанности и качественно иной уровень ответственности. Также стоит отметить, что ситуация в каждой из стран-участниц «Шанхайской пятерки», имела значительные отличия как во внутреннем и внешнеполитическом курсе, а также разница была в точках зрения властных структур. Из этого следует, оставался открытым вопрос смогут ли страны придерживаться единого курса. Увеличение количества участников привело бы к увеличению количества разногласий внутри организации по различным вопросам, что вытекало в угрозу для существования самой организации.

Выбор был сделан в пользу второго варианта. Это был неизбежный этап в плане поэтапного и непрерывного развития и создания организации в сфере регионального сотрудничества.

15 июня 2001 года, главы стран-участниц «Шанхайской пятерки» и Узбекистан официально заявили о создании Шанхайской организации сотрудничества. Таким

образом, «Шанхайская пятерка» превратилась в Шанхайскую организацию сотрудничества.

Возвращаясь к экономическим интересам КНР в Центральной Азии, можно отметить, что энергетика являлась одним из основных элементов в сотрудничестве Китая и стран Центральной Азии. Гарантия того, что энергоресурсы будут поставляться на постоянной основе и без перебоев, в условиях динамичного развития экономики Китая, являлась задачей на очень длительный срок и имела важное значение в плане стратегии. С 1997 по 2003 гг., Китай импортировал нефть постоянно, в объемах от 35,47 млн т до 91,12 млн т Китай удовлетворял свои потребности в энергоресурсах исключительно за счет внешнего рынка импортируя более 50 % энергоресурсов.

Для Китая и России проект по строительству нефтепровода «Ангарск-Дацин» стал первым из крупных объектов сотрудничества в сфере энергоресурсов. Поставки нефти из России в Китай могли бы составить 20 и более млн т, и такой объем был бы достигнут до 2010 года, но данные показатели имели бы место быть в том случае, если Россия не отказалась от реализации данного проекта. «Тайшет-Находка» - это был новый проект, представленный 2 апреля 2002 года, к реализации, которого приступила Россия после отказа от предыдущего проекта, в связи с отрицательным заключением экологической комиссии Минприроды по проекту. Стало ясно, что сотрудничество между Россией и Китаем, в вопросе поставок нефти пойдет другим путем, но это не давало поводов думать, что китайское руководство перестанет считать Россию одним из важных источников поставок нефти.

Странам Центральной Азии, особенно Казахстану, китайское правительство придавало большое значение в сотрудничестве в сфере энергоресурсов. Ежегодный импорт нефти мог бы достигать показателя в 10 %, но при условии, что поставки из стран центрально-азиатского региона, составляли 10—20 млн т в год. Налаживание поставок из России и стран Центральной Азии, давало Китаю большие выгоды, уменьшая зависимость от рисков, которые были связаны с

нестабильной международной обстановкой и обеспечивая Китая энергоресурсами в долгосрочном плане.

От побережья Каспийского моря в Казахстане и до китайского города Алашанькоу, длина нефтепровода «Атасу—Алашанькоу» составляла бы 3 тыс. км. Строительство такого нефтепровода стало возможным благодаря соглашению, заключенному между Россией и Китаем в 1997 году. В планы входило завершить строительство в 2005 году. К сожалению, реализацию строительства пришлось отложить на неопределенный срок в связи с тем, что объем нефти, который бы переправлялся по данному нефтепроводу не покрыл бы финансовых вложений на его строительство. Решение по продолжению строительства состоялось в июне 2003 года во время официального визита в Казахстан председателя КНР Ху Цзиньтао. Строительство было разделено на три этапа. Первый узел был завершен и пролегал между Атасу и Кенкияка, в Казахстане. В сентябре 2004 года началось строительство узла между Атасу и китайским городом Алашанькоу. В планах значилось, что данный участок должен быть завершен в 2005 году, а длина участка составит 1300 км. На первом этапе планировалось поставлять 10 млн т нефти в год. В перспективе было повысить данный показатель до 20 млн т в год. Из этого следует то, что для китайского правительства в сфере энергетического сотрудничества, Казахстан займет место важнейшего партнера. По данным на 2005 год, количество нефти, которую поставлял Казахстан для Китая неуклонно растет, и при условии, что данные показатели будут сохраняться, то на будущее открываются перспективы для поставок без каких-либо перебоев [57].

Подводя итог освящению экономической политики Китая в Центральной Азии на период с 1996 по 2001 год, можно охарактеризовать ее как активную и решительную, обретающую четкие контуры. В данный период Китай трезво оценивал свои возможности, что подтолкнуло китайское правительство к сотрудничеству с Россией, что дало свои плоды, так как правительство России тоже было заинтересовано в подобном сотрудничестве.

Но политика Китая, которая перешла из фазы ожидания в фазу наступления, имела свои последствия.

С одной стороны, по всем ключевым направлениям Китай добился значительного прорыва в сфере сотрудничества. А с другой стороны экономические отношения были искажены, Китай импортировал сырье, а в обмен в Центральную Азию поступала готовая продукция.

Между Китаем и странами Центральной Азии, во второй половине 1990-х годов, произошел прогресс в развитии отношений в сфере экономики. Количество китайских товаров в Центральной Азии, значительно увеличилось. В торговое сотрудничество с Китаем наряду Казахстаном и Кыргызстаном, включился и Узбекистан.

В периоде с 1996 по 2001 гг., между странами Центральной Азии и Китаем товарооборот увеличился в два раза по сравнению с периодом с 1990 по 1995 гг., показатели в диапазоне от 580 до 1050 млн долл. [36].

Также была выделена заинтересованность китайского правительства в Казахстане, а конкретно интерес лежал в проектах, которые касались добычи и импорта нефти в Китай. Проект связанный с добычей нефти на западе Казахстана, конкретно в Актюбинском районе, стал для Китая одним из достижений, которые дали толчок в формировании отношений между государствами Центральной Азии и Китаем в сфере энергетики.

Также стоит повториться и указать то, что в 1997 году между странами было достигнуто соглашение по проекту строительства нефтепровода «Атасу—Алашанькоу». И следует указать, что по данному проекту у Казахстана доля составила 40 %, тогда как Китай имел долю в 60 % [36].

Еще стоит обратить внимание на то, что у Китая сформировалось понимание о необходимости строительства транспортных магистралей между СУАР и Центральной Азией. У китайского правительства помимо этого был вполне конкретный план по строительству автодорожных и железнодорожных путей, от Китая до Узбекистана, через Кыргызстан. Конечно для Китая большой интерес

представляла необходимость развивать экономику Синьцзяна и данные проекты должны были помочь в реализации данного плана.

Таким образом, развивалась экономическая политика Китая в Центральной Азии. Рассматривая итоги периода 1996—2001 гг. для Центральной Азии можно выделить следующее:

- для обеспечения безопасности страны Центральной Азии должны были искать партнеров. К такому решению главы государств пришли под влиянием негативных тенденций: нестабильность обстановки в Афганистане, а также внутренними социальными проблемами. Китай же в данном случае проявлял встречный интерес, а страны региона рассматривали Китай, как перспективного партнера в этом вопросе;

- прекратились поставки товаров широкого потребления из России и это стало причиной для увеличения поставок этой продукции про из Китая;

- главы стран Центральной Азии рассматривали Китай, как перспективного инвестора, который будет вкладываться в проекты.

Оценивая отношения между Китаем и странами Центральной Азии в период с 1996 по 2001 гг., можно сказать, что этот этап стал переломным. Правительство Китая начало поэтапное осуществление приоритетных планов, своей политики в Центральной Азии. Основные приоритеты были направлены не только на развитие Китая в плане экономики, но обеспечение безопасности, в частности были реализованы планы по созданию системы региональной безопасности, в формате ШОС.

Китай начал укреплять сотрудничество с Россией, это стало еще одной характерной чертой для политики Китая на тот период, в частности упор был сделан на сотрудничество в сфере безопасности. В период с 1990 по 1995 гг., Россия имело преобладающее влияние, по мнению китайского правительства, а уже к концу 1990-х Россия воспринималась правительством Китая, как партнер имеющий равные права в Центральной Азии.

Выводы по Главе 1

В середине 1990-х годов, над странами Центральной Азии нависла угроза их безопасности и независимости, это произошло в результате того, что талибы захватили власть в Афганистане. Нарастала угроза в виде подрывной деятельности со стороны террористов, сепаратистов и экстремистов. Данные действия привели к тому что страны Центральной Азии, Россия и Китая оказались под угрозой. В связи с этим и была организована «Шанхайская пятерка», это произошло после улаживания вопросов и достижения соглашений о границах государств, в 1996 году. «Шанхайская пятерка» стала структурой, которая гарантировала Китаю собственную безопасность. Далее последовала реструктуризация «Шанхайской пятерки» в результате которой была образована ШОС в 2001 году. Для Китая это означало то, что произошел большой скачок в плане развития дипломатических отношений со странами региона. Для Китая ШОС выступила многофункциональной площадкой, на основе которой, Китай обеспечил себе безопасность, также ШОС выступала как институт, благодаря которому Китай мог участвовать в делах Центральной Азии, а также обеспечила развитие сотрудничества со странами региона. Но и помимо этого ШОС стала катализатором того, что между Россией и Китаем было достигнуто стратегическое соглашение, произошло образование баланса в плане стратегии. Результатом стало то, что обе державы пришли к признанию своих интересов, а также установили отношения в плане сотрудничества в сфере стратегии.

2 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XXI В.: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ

Китайское правительство ставило перед собой цели, которые вытекли из переработки своей внешней политики на реалии XXI в., суть была в том, чтобы вести более активную и наступательную политику, которая будет отстаивать национальные интересы Китая. Переработка политики китайским правительством, вытекала из таких событий на мировой арене как, события 11 сентября 2001 года, а также то, что США начали усиливать свое политическое, военное и экономическое влияние, также поступили и их союзники.

Китайское правительство понимало, что есть вероятность возникновения военно-политических рычагов, которые могут повлиять на Китай, такие выводы были сделаны из таких событий как, военные операции, которые были проведены в Афганистане и Ираке, а также на это наводило то, что США усиливали свое присутствие в регионах, которые находились близко к китайским границам. Поэтому китайское правительство приняло решение о том, чтобы установить баланс сил не только на своих границах, но и в регионах, которые интересовали Китай.

Период, когда происходила переработка внешней политики, совпал с процессом смены политической элиты в китайском правительстве, к власти пришло новое поколение во главе с Ху Цзиньтао.

Но одной из главных причин, которая касалась переработки внешнего политического курса, являлось то, что новое поколение политиков получила в наследство государство, которое было более устойчивое в военном, а также экономическом плане.

Событий, которые произошли 11 сентября 2001 года, повлекли за собой изменение статуса Центральной Азии, а именно: в глазах китайского правительства, Центральная Азия перестает быть периферийным регионом, а приобретает большее стратегическое значение, также регион стал рассматриваться на глобальном уровне в контексте всеобщего внешнеполитического курса Китая.

КНР остро нуждалась в доступе к ресурсам, в приоритете были нефть и газ, а также наличие возможностей их транспортировки. Основной и достаточно серьезной помехой в решении этих вопросов могло стать то, что США ставило перед собой задачу по усилению своих позиций в Центральной Азии в политическом, экономическом и военном плане.

Из этого вытекает вполне логичное решение, к которому пришло китайское правительство, опираясь на то, что нужно увеличивать свое влияние в Центральной Азии, для этого нужно было укреплять ШОС, а также развивать двусторонние отношения. У Китая для этого были возможности, а в частности быстрый рост экономики, что давало возможность направить финансовые потоки на осуществление различного рода проектов и поддерживать стабильность социальной и политической систем, которые существовали в регионе.

Для китайского правительства ШОС выступала площадкой, которая позволяла контролировать процессы в Центральной Азии, а также выступала гарантом того, что в регионе не возникнет антикитайский альянс. Перед китайским правительством стояли несколько задач, которые были направлены на то, чтобы сплотить государства участницы, усилить имидж организации на международной арене, а также увеличить значение экономики, как одной из составляющей сотрудничества. Для этого Китай в тандеме с Россией сделали заявление о привлечении в ШОС новые страны. Таким образом, в Шанхайскую организацию сотрудничества вошли следующие страны: Монголия в 2004 году на правах наблюдателя, а уже в следующем году присоединились Индия, Пакистан и Иран, также в качестве наблюдателей [36].

Взаимодействия между странами тоже подверглось изменениям, в частности оно расширялось. На этом фоне была сформирована структура по противодействию терроризму (название РАТС – региональная антитеррористическая структура), управляющий совет, которого дислоцируется в Ташкенте. Немного позже в рамках ШОС были созданы и начали свою деятельность Деловой совет и Межбанковское объединение. Китайское правительство занимает ключевую позицию в этих подструктурах, их основные задачи состояли в том, чтобы согласовывать усилия в сферах предпринимательской и финансовой, с перспективой на то, чтобы в дальнейшем реализовывать проекты в различных сферах экономики.

Китайское правительство ввело несколько предложений по поднятию интереса к сотрудничеству в экономической сфере, в рамках ШОС. Конкретно предложения были направлены на создание зоны свободной торговли, а также создание транспортных магистралей в регионах. Данные предложения были введены начиная с 2006 года. Китайское правительство считает, что к росту обоюдной торговли приведет то, что государства-члены организации должны вступить в ВТО, и Китай оказывал активную поддержку в этом вопросе.

Стоит отметить, что на протяжении 90-х годов прошлого века, китайское правительство ставило свои экономические интересы на второе место, и его больше интересовали сфера безопасности, а также налаживание дипломатических отношений. На момент начала 2000-х годов обстановка разительно отличалась от той, что была ранее, это произошло в результате того, что экономика Китая набирала обороты, а центрально-азиатский регион выступал площадкой для осуществления интересов и стратегий в сфере экономики. В первую очередь правительство Китая ставило целью усиление собственных позиций. Для того, чтобы осуществить проектную деятельность, китайское правительство реализовывало политику по выдаче кредитов на льготных условиях. Чаще всего кредиты осваивались компаниями Китая, а вопросами, которые касались кредитования государств центрально-азиатского региона занимался импортно-

экспортный банк Китая. Нужда в разработках углеводородных месторождений являлись основными направлениями инвестиций. Для осуществления проектов в Казахстане, Китай начиная с 2003 года имел там постоянное присутствие. Китай приобрел большое количество активов в нефтегазовой отрасли, в частности финансы были направлены на осуществление проекта по строительству нефтепровода «Атасу—Алашанькоу». Кроме того, Китай выдавал кредиты и осуществлял инвестиции, направленные на развитие различных сфер экономики Казахстана. Спустя несколько лет, а именно в 2006 году внимание Китая привлек Туркменистан. В Туркменистане китайское правительство уделяло особое внимание разработке газового сектора, а конкретно на месторождение «Багтиярлык», а также на прокладку газопровода Туркменистан-Китай. Таким образом, Китай планировал поставлять газ из «Багтиярлыка» в Гуандун.

Стоит отметить, что по большей части интерес Китая был в нефтегазовой отрасли, но экономическая активность в этой отрасли начала распространяться и на другие сферы. Легкая промышленность, гидроэнергетика, атомная энергетика, строительство, химическая промышленность, транспортные коммуникации, в каждой из этих отраслей Китай проявлял свою заинтересованность. Исходя из выше сказанного, можно сказать, что ранее Китай по большей части присутствовал в Казахстане и Туркменистане, то уже на современном этапе влияние Китая распространилось на Узбекистан, а также на Таджикистан и Кыргызстан. Согласно подсчетам, которые были проведены к 2009 году, количество финансовых потоков, которые были направлены Китаем в Центральную Азию составил 16,2 млрд долларов [36].

Китайское правительство продолжало осуществлять свою политику по проникновению в Центральную Азию, а также реализовывать собственные экономические интересы, несмотря на то, что в этот период был мировой финансовый кризис. В годы мирового финансового кризиса странам региона была необходима финансовая поддержка, это было вызвано тем, что экономика каждой из стран Центральной Азии была достаточно слабо развита. Китайское

правительство решило не упускать возможность и воспользовавшись сложившимися обстоятельствами и приняло решение об увеличении количества кредитов, данная система была отработана за многие годы. Китайское правительство во время саммита ШОС, который проходил в России, город Екатеринбург, в июне 2009 года сделало официальное заявление о том, что готово предоставить кредит на 10 млрд долларов для стран Центральной Азии.

Для Китая и стран Центральной Азии к концу 2000-х годов в сфере региональной политики произошли большие изменения. Они затронули двусторонние и многосторонние отношения, в частности оказали влияние на их развитие. Они также показали, что на геополитическом пространстве государства Центральной Азии, а также Китай не готовы на постоянной основе ориентироваться в этих изменениях. На фоне этих изменений ситуация в Центральной Азии была далеко от стабильного состояния. Китай же использовал данную нестабильность в свою пользу, тем что усиливал свое влияние на регион, также принимал активное участие в осуществлении большого количества планов, которые касались двустороннего и многостороннего сотрудничества. Мировой финансовый кризис, стал решающим событием, которое оказало влияние на отношения в сфере экономики между странами Центральной Азии и Китаем. Наибольшее влияние финансовый кризис оказал на развитие двусторонней торговли, создав новые возможности для сотрудничества. Решение проблем, которые возникли в данный период, а конкретно проблемы финансового характера, каждое государство искало самостоятельно. Финансовый кризис никак не повлиял на экономику Китая, а только показал, что она может удерживать высокие темпы экономического развития. Но из-за плохо развитой экономики, а также нестабильности на политическом поле, страны Центральной Азии понесли значительный ущерб. Но даже несмотря на это Таджикистан и Узбекистан пострадали в ходе финансового кризиса, меньше чем государства, инвестировавшие в мировую экономику. В качестве наиболее яркого примера

можно привести Казахстан. Условия, которые создал финансовый кризис, не подорвали товарообороту между Китаем и странами Центральной Азии.

Программа «Экономический пояс Шелкового Пути» была представлена китайским правительством в сентябре 2013 года, суть программы состояла в том, чтобы активизировать всю внешнеэкономическую деятельность в Евразии. Спустя несколько лет подготовки данного проекта, данный проект начал действовать. Экономическое взаимодействие, а точнее его разнообразие выступало базовой площадкой проекта, который давал основу для соединения Центральной, Южной, Восточной и Западной Азии. В рамках данного проекта Китай поставил свои условия в сфере экономики в регионе:

- необходимость дальнейшего продвижения экономической интеграции;
- необходимость в увеличении скорости строительства единой транспортной системы, которая представляла собой транспортный узел от Тихого океана и до Балтийского моря, а также трасс, задачей которых было соединение Восточной, Западной и Южной Азии;
- увеличение сотрудничества в сферах товарооборота и инвестиций;
- поэтапное снижение, а в дальнейшем и ликвидация торговых барьеров, уменьшение издержек, а также упрощение бюрократических процедур;
- повышение количества финансовых операций, проводимых в национальных валютах [3].

Китайское правительство считало Центральную Азию сырьевым придатком китайской экономики. Но все изменилось с началом реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Китай выделил несколько важных целей, на которые требовалось направить инвестиции, а также разработать проекты по их развитию, это такие сферы, как: сырье, транспортные магистрали, трубопроводы, также увеличить количество поставок готовой продукции. Естественно для этого требовались вложения финансов, которые должны поддерживать данные проекты. Российские специалисты в своих работах отмечали, что проект китайского правительства по созданию Великого Шелкового пути, считался прекрасным

шансом для увеличения товарооборота, в перспективе было то, что Китай таким образом еще больше увеличивал свое влияние в Центральной Азии. В Центральной Азии увеличивалось количество китайских фирм и рабочей силы, таким образом происходила реализация китайских инвестиций. Как следствие, в странах Центральной Азии увеличивалось число граждан Китая. Увеличения присутствия китайских граждан в Центральной Азии, также являлось механизмом, который позволил укрепить влияние Китая [4].

Наблюдались большие темпы роста присутствия Китая в регионе. Западная стратегия, которую использовали для создания «Нового экономического пояса Шелкового пути», показывала стратегическую важность региона для Китая в плане развития экономической сферы. Китай направлял большие инвестиционные потоки в страны Центральной Азии, конкретно в сферу энергетики: Для Казахстана китайское правительство выделило 30 млрд долл., по контрактам, заключенным между странами, Узбекистану было выделено 15 млрд долларов, согласно 31 договору. Инвестиционные потоки, которые были направлены в Туркменистан для транспортировки природного газа составили 16 млрд долл. Стоит отметить, что китайское правительство выделило на кредиты и помощь Туркменистану 8 млрд долл., для Таджикистана также планировалось выделить не меньше 1 млрд долл. [4].

В экономической сфере китайское правительство стремилось осуществить проект «Экономический пояс Шелкового Пути», а кроме того гарантировать открытость энергетических ресурсов и других сырьевых баз.

Необходимо более подробно рассмотреть взаимодействие КНР с каждой из стран Центральной Азии.

2.1. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Таджикистан

Установление отношений между КНР и Таджикистаном произошло в марте 1993 г., во время первого официального визита президента Э. Рахмона в КНР. На

данный момент отношения между странами находятся на высоком уровне в сферах политики и экономики. Ключевую роль в этих отношениях играют регулярные встречи лидеров двух стран, определяющие стратегию общего развития. Благодаря усилиям обоих государств за эти годы решен пограничный вопрос, установлен уровень доверия между государствами, обе страны стремятся к совместному развитию.

Совместным усилиями Таджикистана и Китая создана широкая и эффективная договорно-правовая база двусторонних отношений. Она состоит из 150 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов. Главные направления долгосрочного стратегического взаимодействия двух стран закреплены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Таджикистаном и КНР от 15 января 2007 г. [5].

Таким образом данный договор только укрепил связи между государствами. Принцип сотрудничества, дал новые возможности для двустороннего взаимодействия во всех сферах, особенно в сфере торгово-экономического сотрудничества, в которой отношения с Китаем имеют для Таджикистана приоритетное значение.

С момента установления дипломатических отношений между странами, товарооборот стал динамично развиваться. Для сравнения, в 1993 г. объем торговли составил 8,9 млн долл. и к 2003 г. достиг около 38,8 млн долл., то в последующие годы наблюдается только быстрый рост: в 2004 г. до 68,8, в 2005 г. до 157,8, в 2006 г. до 323,7, в 2007 до 524 млн. долл. В 2008 г. товарооборот уже составил 1 млрд 679,8 млн долл. Также стоит отметить, что несмотря на мировой финансовый кризис, торговля между странами в 2009 г. выросла на 7,4 % и составила 1 млрд 050 млн. долл. [1].

Данная статистика наглядно демонстрирует экономические возможности КНР и Таджикистана. В экспорте Китая в Таджикистан в основном идет оборудование, машинно-техническая продукция, строительная техника, продовольствие. В

импорте КНР из Таджикистана в основном идет хлопок, алюминий, ткани, также редкоземельные металлы.

В первые 10 лет с момента обретения республикой независимости, товарооборот был крайне незначительным это было связано с нестабильной ситуацией в Таджикистане из-за гражданской войны. Китайское правительство было заинтересовано в скорейшем установлении мира на территории Таджикистана, поэтому Китай внес свой вклад в межтаджикское урегулирование.

27 июня 1997 г. в Москве состоялось подписание общего соглашения о мире и национальном согласии, которое состоялось при поддержке таджикского правительства и оппозиции. В течении следующих трех лет достигнутые договоренности были реализованы. 12 мая 2000 г. СБ ООН завершил рассмотрение вопроса «Положение в Таджикистане и на таджикско-афганской границе», тем самым дав сигнал международному сообществу, государствам-донорам и потенциальным инвесторам о том, что гражданская война в Таджикистане окончена.

Стоит отметить, что в течении 8 лет с момента обретения независимости Таджикистаном, между Китаем и республикой в различных форматах проходили переговоры по вопросу о границе. Данный вопрос был решен 8 января 2001 г., в этот день, в Пекине, состоялось подписание Протокола между Правительством Республики Таджикистан и Правительством КНР об окончательном разрешении пограничных вопросов между двумя государствами. Неурегулированность вопроса о границе в определенной степени тоже служила сдерживающим фактором для налаживания полноценного и широкоформатного торгово-экономического сотрудничества.

С 2005 г. КНР входит в первую тройку внешнеэкономических партнеров Таджикистана, а по объемам капиталовложений в экономику республики Китай является крупнейшим инвестором. Значительное качественное и количественное расширение двустороннего торгово-экономического сотрудничества связывается с подписанием в январе 2007 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

между Таджикистаном и Китаем и началом реализации в РТ крупномасштабных инфраструктурных проектов при поддержке правительства КНР.

В последние годы руководители двух стран придают особое значение инвестиционному сотрудничеству, что является предметом обсуждения на заседаниях межправительственной таджикско-китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

В целях активизации и расширения масштабов китайских инвестиций в Таджикистане на правительственном уровне был принят ряд важных постановлений, заложивших правовую основу инвестиционного сотрудничества. В августе 2008 г. во время государственного визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Таджикистан, были подписаны Программа сотрудничества между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой на 2008—2013 гг., Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращения уклонения от уплаты налогов на доходы и капиталы, и межправительственное Рамочное соглашение о расширении и углублении торгово-экономического сотрудничества.

Стоит отметить, что вышеописанное указывает на то, что таджикская сторона заинтересована в том, чтобы присутствие Китая в экономике Таджикистана из года в год росло, и прежде всего в области совместного освоения гидроэнергоресурсов страны, месторождений редких и благородных металлов, в проведении на территории республики геологоразведки, в деле качественного улучшения существующей и создания новой инфраструктуры. Весьма актуальной остается оптимизация межбанковского сотрудничества. Если на уровне государственных решений здесь отмечается ощутимый прогресс, то на практике успехов пока меньше: китайские банки не спешат идти в Таджикистан, сильно преувеличивая становые риски. Создание совместного инвестиционного фонда, договоренность об учреждении которого была достигнута по итогам встречи глав двух государств в Екатеринбурге в 2009 г., должно в определенной степени явиться дополнительным стимулом к сотрудничеству в инвестиционной сфере.

Начиная с 2006 г. китайские корпорации стремятся получить широкий доступ в те отрасли, в которых более всего заинтересована таджикская сторона: горнорудная и текстильная промышленность, телекоммуникации и строительство.

2009 г. произошел запуск целого ряда крупных совместных проектов, имеющих большое значение для устойчивого экономического развития Таджикистана. Среди них особо выделяются объекты общенационального масштаба, в церемониях открытия которых принимал участие Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон. В частности, это туннель «Озоди» на трассе Душанбе – граница с Китаем; линия электропередач «Юг—Север», объединившая энергетическую сеть страны в целостную систему; реконструированная международная автотрасса Душанбе—Чанак [51]. Введены в эксплуатацию мосты стратегического назначения, а также целый ряд совместных предприятия горнодобывающей отрасли. Дан старт реконструкции автомобильной дороги Душанбе—Дангара – первого этапа международной автомобильной дороги к границе с Китаем.

В Таджикистане высоко ценят намерения Китая широко использовать эти преимущества экономической взаимодополняемости для расширения сфер кооперации, прежде всего в области гидроэнергетики и сельского хозяйства, освоения полезных ископаемых и инфраструктурного строительства, а также создания благоприятных условия для привлечения инвестиций и всестороннего продвижения двустороннего прагматичного взаимодействия.

В этом контексте важным стал первый официальный визит в Таджикистан делегации СУАР КНР во главе с членом Политбюро ЦК КПК, секретарем парткома СУАР Ван Лецюанем. В Хаде визита был подписан ряд двусторонних документов, в рамках межправительственной таджикско-китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству создана подкомиссия «Таджикистан—СУАР», определена программа действий [52].

СУАР является «западными воротами» Китая, а КПП «Кульма—Карасу» на таджикско-китайской границе в последние два года стал ключевым звеном в двусторонней торговле: на него приходится свыше 60 % двустороннего

товарооборота. Развитие прямых связей между Республикой Таджикистан и СУАР КНР отвечает интересам обеих сторон. Оно будет содействовать расширению сотрудничества между экономическими субъектами двух стран в сферах транспорта, коммуникаций, добычи и переработки минеральных ресурсов, сельского хозяйства, гидроэнергетики, строительства объектов инфраструктуры и других областях. Подтверждена взаимная заинтересованность в совместной разработке проекта специальной торгово-транспортной зоны в Мургабском районе Таджикистана, граничащем с Китаем [1].

Таким образом, Таджикистан и Китай прилагают немалые усилия для формирования и развития многоплановых отношений дружбы и взаимовыгодного партнёрства, которые, несомненно, имеют громадный потенциал и очень хорошие перспективы. Прежде всего – в области торгово-экономического сотрудничества, так как свидетельствует опыт, именно эта сфера служит объективной долговременной основой прочного и позитивного международного взаимодействия.

2.2. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Узбекистан

Контакты в сфере финансов и культуры, которые существуют между Китаем и Узбекистаном, берут свое начало в далекой древности, кроме того их связывал Великий Шелковый путь. Данное обстоятельство китайское правительство подчеркивает постоянно [79].

Узбекистан, также, как и Таджикистан стал независимой страной после распада СССР и вошел в состав региона Центральная Азия, что привлекло внимание китайских дипломатов. Китайское правительство также не рассматривало республику, как приграничное государство, скорее оно подгоняло Узбекистан под понятие «государство-соседи» или «территориально близкие» [79].

По мнению представителей китайской геополитики, Узбекистан представал для Китая «большим государством», и главный фактор, который влиял на то, что

развитие республики было замедленным это то, что у Узбекистана не было выхода к морю, а также полное отсутствие границ с морскими державами [71, с. 170]. Но в той же мере, как данное территориальное положение являлось минусом, так оно являлось и плюсом, и он заключался в том, что республика граничила с остальными государствами центрально-азиатского региона, что вытекало в то, что при грамотном распоряжении ресурсов на развитие трансграничных инфраструктурных проектов могло сыграть на руку Узбекистану, чтобы занять нишу «центра Центральной Азии». Так и китайское правительство видело в этом свою выгоду, ведь у государств отсутствует общая граница, что отражается на истории отношений между Китаем и Узбекистаном, ведь между ними не возникало проблем о демаркации границ, а значит и не было конфликтов на этой почве. Также, как и не существовало проблем, которые могли бы быть связаны с так называемой «китайской угрозой» [71, с. 171].

С точки зрения экономики, у Узбекистана был вполне неплохой потенциал для того, чтобы развиваться, данные слова подтверждали то, что у республики была собственная модель экономического роста, которая не была похожа на одну из тех, которые использовали государства Центральной Азии, так и было собственное экономическое развитие. Также стоит учесть тот момент, что мировой финансовый кризис, который произошел на тот период времени особо не навредил экономике Узбекистана. Но сотрудничество между Китаем и Узбекистаном все-таки состоялось и в основу данного сотрудничества легло то, что можно было развивать сотрудничество в политической сфере на многоуровневом формате. На основе этого и было достигнуто соглашение о том, чтобы начать стратегическое партнерство между Китаем и Узбекистаном, но несмотря на это, такой формат сотрудничества появился сравнительно на позднем этапе.

На момент начала XXI века, между Китаем и Узбекистаном уже было заключено множество соглашений как в сферах экономики и торговли, так и о сотрудничестве банков обоих государств, так и на строительство различных совместных предприятий. Так весной 2000 года, в Узбекистан с официальным

визитом прибыла делегация из Китая во главе с заместителем министра внешней торговли Китая Чжан Яном. В ходе данного визита на обсуждение были вынесены вопросы о проблемах, связанных с сокращением товарооборота, а также были поставлены цели на создание механизмов, которые позволят более тесно сотрудничать в сфере экономики. Далее летом того же года, состоялось очередное заседание, уже четвертое по счету, межправительственной комиссии Китая и Узбекистана, по итогам которого, были также составлены планы, которые несли в себе пересмотр той части соглашений о сотрудничестве в сферах торговли и экономики, которые по различным причинам оказывалась расходящейся с действительностью. А в августе того же года, с официальным визитом в Узбекистан прибыл министр внешней торговли Лун Юнту, который представлял делегацию китайской стороны. Во время данного визита была проведена церемония открытия предприятия, которое было реализовано совместными инвестициями Китая и Узбекистана. Также был проведен ряд встреч, а также переговоров, которые касались вопросов о проблемах в углублении сотрудничества в сферах экономики и торговли, там же стороны обменялись своими взглядами на данные проблемы.

В 2001 году, Узбекистану предлагают принять участие в международной организации нового уровня, целью которой является объединение всех стран Центральной Азии, а также Россию и Китай в единую организацию под названием Шанхайская организация сотрудничества. Это и явилось причиной того, что перед китайским правительством вставали новые задачи, осуществление которых привело бы к тому, чтобы повысить уровень всех межгосударственных контактов до приемлемого для обеих сторон, все это являлось важным и необходимым для выполнения. Таким образом, начиная с того же 2001 года, Китай делает узбекскому правительству предложение о рассмотрении ряда соглашений, которые также касались и сферы экономики и финансов. Более того, в период с 28 мая по 1 июня 2001 года, в Узбекистане с официальным визитом находился заместитель руководителя «Эксимбанка» Китая Чжан Гоюй. В ходе визита

состоялось несколько переговоров, а также представители республики в виде официальных лиц обменялись мнениями с китайской стороной. Для того, чтобы осуществить сотрудничество на практическом уровне, со стороны Китая были предложены механизмы в виде финансов и кредитов, которые позволили бы повысить уровень отношений в двустороннем формате, а также оказали бы помощь в улаживании внутренних экономических проблем Узбекистана, учитывая то, что была нехватка ресурсов в плане инвестиций. Узбекское правительство воспользовалось данным предложением и начало использовать финансовые ресурсы Китая для того, чтобы закупить китайские товары, а также инвестировать в совместные производственные проекты.

В сентябре 2002 года, в Шанхай, а также Сямынь прибыл с официальным визитом министр внешнеэкономических связей Узбекистана. В ходе данного визита, министр принял участие в международном форуме, а также провел переговоры, которые касались инвестирования. В октябре 2002 года, уже с китайской стороны был осуществлен визит в Узбекистан, министра внешнеэкономического сотрудничества и торговли Вэй Цзяньго, во время данного визита были проведены переговоры и встречи. По итогам 2002 года, сотрудничество между Китаем и Узбекистаном вышло к тому, что между государствами было подписано соглашение о полномасштабной программе по торгово-экономическому сотрудничеству с КНР.

В 2003 году, контакты в сфере экономического сотрудничества имели свое продолжение. Так, в феврале 2003 года состоялся очередной визит китайской делегации в Узбекистан, делегацию представлял министр внешней торговли. Во время визита, министр принял участие в пятом заседании межправительственного комитета по внешней торговле. В основу осуществления программы, которая была посвящена многостороннему сотрудничеству, легла ранее согласованная в Пекине программа, которая представляла собой многостороннее сотрудничество в сферах торговли и экономики в рамках ШОС. В рамках ШОС существовала возможность чередования контактов, как многосторонних, так и двусторонних. Этим

воспользовалась китайская стороны, весной 2003 года для того, чтобы провести двусторонние переговоры с президентом Узбекистана, в рамках саммита ШОС, который проходил в Москве.

Летом 2004 года, в Ташкенте был проведен саммит ШОС. Помимо того, что были проведены переговоры на двустороннем уровне, также прошли и встречи в многостороннем формате, во время которых Китай и Узбекистан опубликовали совместную декларацию. А уже осенью 2004 года в Пекине, состоялось очередное и уже шестое собрание комиссии на межправительственном уровне, которое также было посвящено сотрудничеству в сферах торговли и экономики. В ходе данного собрания было подписано соглашение, которое включало в себя сотрудничество в областях нефти и газа, также добыче полезных ископаемых, капитального строительства, телекоммуникаций, а также инфраструктуры. Более того в ходе данной встречи со стороны Китая было сделано предложение об оказании помощи, которым Узбекистан собирался воспользоваться, на этом фоне стороны обменялись мнениями о развитии системы кредитования. Таким образом, стороны заключили договор о том, что Узбекистан получит кредит на льготных условиях от Китая, на сумму 300 млн. долл. Из этого можно сделать вывод, что китайское правительство намеренно начало политику предоставления любых видов ресурсов в плане финансов [51].

По итогам визитов в 2004 и 2005 годах, главы государств Китая и Узбекистана подписали заявление о том, что республика и Китай будут стимулировать развитие, а также только углублять дружественные партнерские отношения, также было подписано соглашение о сотрудничестве на основе дружбы между Узбекистаном и Китаем. Таким образом была создана основа для того, чтобы создавать и развивать различные виды отношений на долгосрочную перспективу. Данные соглашения сыграли на руку китайским инвесторам и послужили своеобразным сигналом о том, что можно активизироваться по направлению узбекского рынка, ведь его нужно было открывать по новой, также эти инвесторы обладали необходимыми финансовыми инструментами, также это позволило им направить финансовые

потоки на проекты, которые уже имелись в Узбекистане. При этом стоит отметить, что проектов на территории республики было не так много. По стратегическим направлениям, т. е. в сфере разработки месторождений, была лишь одна компания, которая занималась разведкой углеводородов.

В том же 2005 году, СМИ начали сообщать о том, что Китайская национальная нефтегазовая корпорация планирует направить финансовые потоки в Узбекистан для того, чтобы начать исследование и разработку месторождений нефти и газа в Узбекистане. Таким образом, было запланировано создание совместного предприятия, в котором доли каждой из стран были бы равны. Документ о создании и реализации данного проекта, должен был быть подписан в мае 2005 года. Таким образом, Узбекистан стал для Китая уже пятым торговым партнером среди стран СНГ, а Китай же занял седьмое место среди торговых партнеров Узбекистана. Этот период ознаменовался началом быстрого роста объемов торговли. Как отмечали исследователи, представлявшие Китай в своих работах, в этот период китайское правительство оказывало поддержку китайским предприятиям, которые направили свое внимание на экономику республики и начали проявлять интерес в том, чтобы инвестировать в проекты на территории Узбекистана. Это стало причиной того, что инвестиции постоянно растут, также растет экономическое и научно-техническое сотрудничество на взаимном уровне. По большей части инвестиционные потоки были направлены в такие сферы как нефтедобыча, исследование и разработку других полезных ископаемых и ресурсов, также на строительство транспортной инфраструктуры, в частности на строительство железных дорог и их обслуживание, также на связь и коммуникации.

Параллельно с этими процессами, китайское правительство вело активное сотрудничество с узбекским правительством и расширяло сферы сотрудничества. В плане финансов это выражалось в том, что китайская сторона предоставляла различные формы кредитования и финансовой поддержки. Китайское правительство предоставляло различные виды помощи в виде безвозмездной, также беспроцентные кредиты, а также правительственные льготные кредиты и

связанные экспортные кредиты, все это делалось с того момента как образовалась республика Узбекистан и для того, чтобы закупать товары из Китая. Начиная с этого периода, Узбекистан начал рассматриваться как важный партнер в Центральной Азии в сферах торговли и экономики.

Правительство Узбекистана надеялось найти в Китае как покупателей хлопка, так и покупателей на более сложные виды товаров, такие как самолеты «ЛИ-2», «ИЛ-76», «АН-124» и «АН-225», автомобили «Daewoo», а также на товары обрабатывающей промышленности. И у Узбекистана получилось найти потенциальных покупателей на хлопок, ведь в самом Китае хлопок производился в объемах, не достаточных для легкой промышленности. Но несмотря на это, китайское правительство постаралось самостоятельно найти выход из положения воспользовавшись ценами, которые были крайне низкими на мировом рынке. К тому же у Китая был СУАР, в котором производство хлопка также постоянно росло. Тоже самое происходило и со сложными видами товаров, так как СУАР еще был известен как новая индустриальная база, а с момента начала «политики реформ и открытости» основные цифры роста регионального ВВП формировались за счет обрабатывающей промышленности. Что вытекало в то, что СУАР поставлял остальным странам Центральной Азии станки, оборудование и запасные части [51].

Для Узбекистана это стало показателем того, что не первое и не второе направление не становилось «точкой роста», которую выделяли китайские исследователи в своих работах, так как они видели необходимость в том, что найти те точки роста, которые давали бы возможность говорить о том, что экономическое сотрудничество поднялось на качественно новый уровень. Из вышеуказанного вытекает следующий вывод о том, что китайских импортеров интересовали совсем другие виды товаров, а именно полезные ископаемые, такие как нефть, газ, цветные и редкоземельные металлы.

Китайское правительство начало активно оказывать воздействие на интересы собственных экспортеров и импортеров, при поддержке китайской дипломатии. Для Узбекистана же были даны рекомендации сначала в виде работ по

исследованиям экономической сферы, в частности в них было указано то, что надо пересмотреть структуру товарооборота и неравновесный спрос, которые существовали на тот период. Узбекистану было сделано два предложения по дальнейшему пути развития, первый вариант предлагал изменить структуру производства, сократить долю обрабатывающей промышленности за счет добывающей, а второй вариант предлагал повысить товарооборот с Китаем, но изменить структуру и направление экспорта и импорта.

Также очередной проблемой для развития становится следующий момент, сотрудничество в сферах науки и технологий находится на недостаточном уровне развития, хотя он являлся фактором, который имел существенное влияние развитие связей в сфере торговли и экономики [82]. Большой интерес китайского правительства лежал в расширении своего участия и доступа к проектам, которые касались разработки сырьевых ресурсов. Но по причине отсутствия базы в плане межгосударственных соглашений долгое время существовали ограничения по финансовому участию китайской стороны из-за слабой разработки инвестиционных механизмов в Узбекистане. Китайские исследователи называли это «комплексной инвестиционной средой» [73].

Таким образом, был запущен механизм по многостороннему сотрудничеству — в рамках ШОС было принято решение о подготовке инвестиционных проектов, что стало причиной готовности китайской стороны выдать кредит на сумму 900 млн долл. [83]. Было отмечено, что данный проект создан для того, чтобы в полной мере использовать преимущества стран-членов организации, такие как крупная экономическая взаимодополняемость, а также в богатые ресурсы и разворачивать сотрудничество в различных формах для того, чтобы оказывать содействие по совместному экономическому развитию [83].

В Узбекистане существовала и продолжает существовать проблема с транспортом, которая оказывает свое влияние и на развитие сотрудничества в сферах торговли и экономики. Ранее китайские исследователи выделяли проблему отсутствия общей границы, как проблему, которая влияла на развитие

сотрудничество в сферах экономики и торговли на двустороннем уровне [78, с. 170]. Отсутствие границ также явилось причиной того, что Узбекистан по сравнению с другими государствами Центральной Азии, поздно начал принимать участие, а также поздно начал принимать участие в реализации механизмов обще регионального уровня. Даже учитывая тот факт, что расстояния между границами Китая и республики небольшое, это все равно оказывает негативное влияние на развитие торгово-экономического сотрудничества, также на это влияет и неудобная система транспортных коммуникаций, которые уже имеются. Стоит указать, что с середины 1990-х годов существуют проекты, в сфере транспортных коммуникаций, самый значимый из них, это осуществление строительства железнодорожной магистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан, данный проект являлся частью плана по восстановлению «Великого Шелкового пути». Также данное строительство в перспективе должно было выйти на строительство веток, пролегающих через Афганистан, Иран и Турцию, а также выходить на европейскую железнодорожную сеть. По итогам переговоров, которые состоялись по данным проектам было выбрано северное направление, которое пролегало через Киргизию, от города Кашгара, далее через пограничный переход Туругарт с выходом на Узген и приграничный с Узбекистаном Кара-Суу. Но в осуществлении данного проекта, также существовали и проблемы, в частности, стороны не могли найти соглашение, а главным противником выступал Кыргызстан. Но позиция была пересмотрена правительством Киргизии, и на момент начала 2011 года в СМИ Кыргызстана было опубликовано информация о том, что на момент того же 2011 года будет подписано Генеральное соглашение с Китаем, о строительстве дороги, которая будет проходить через Китай – Кыргызстан – Узбекистан [85]. Со стороны Китая были выделены 20 млн юаней на то, чтобы разработать обоснование проекта в техническом и экономическом плане [86], а также отдельно были выделены средства в виде гранта – 30 млн юаней [86], чтобы осуществить первоначальные задачи по строительству железной дороги. Естественно данный проект был осуществлен и с целью того, чтобы дать доступ транспорту из Китая в

Узбекистан, проявлялось в увеличении товарооборота между странами. Для киргизского правительства важность проекта заключалась в том, что данный проект был первым прецедентом на территории республики. На тот момент доступ к КПП был только для автотранспорта.

Проблемы, которые возникали на уровне двусторонних отношений, также могут быть и многосторонними, а подобного рода проблемы уже стоит решать на региональном уровне, в том числе и на уровне ШОС, а также они имеют разные значения для сторон конфликта, как и имеют различные решения для сторон. Для Китая продолжала стоять проблема в виде рациональной структуры торговли, которая содержалась в том, чтобы увеличить объемы поставок в Узбекистан таких товаров как легкой и машинотехнической индустрии, также стоял вопрос о том, чтобы увеличить сроки доступа к сырьевым ресурсам республики. Таким образом, с середины 2000-х годов начался рост доли нефтепродуктов, хлопкового волокна, шелка, а также удобрений. Как было отмечено ранее, для того, чтобы осуществить планы, описанные выше, Китай начал увеличивать проектное финансирование, а гарантом того, что данные обязательства будут выполнены выступали банковские структуры.

Планировалось подключить Узбекистан к реализации проекта по строительству трансграничного газопровода «Центральная Азия—Китай». Такое решение было принято исходя из того, что Узбекистан занимал второе место по добыче газа среди стран СНГ, а также выходил в первую десятку крупнейших газодобывающих стран, китайское правительство было сосредоточено на этой сфере. Переговоры для подготовки проекта в таком русле, были начаты в 2005 году. Также помимо переговоров велись работы внутри государств на различных уровнях. Таким образом, планы китайского правительства, заключались в следующем: газ из Узбекистана и Туркменистана по территории Казахстана должен идти до погранперехода Хоргос, там уже должен был соединяться с китайской трубопроводной системой, по которой далее газ должен был передаваться в районы с наибольшим потреблением, по большей части в Гуанчжоу.

Строительство газопровода началось в июле 2008 года. Более того, Узбекистан получал доход за транспортировку, но развитие сотрудничества по данному вопросу произошло немного позднее.

Летом 2009 года, в Узбекистан прибыл с официальным визитом вице-премьер Госсовета Китая Ли Кэцзян. Во время данного визита состоялось выступление первого заместителя премьер министра Узбекистана Р. Азимова, которые отметил в своем докладе, что сотрудничество в сфере энергетики, которое проходило в рамках двустороннего экономического сотрудничества, дало свои плоды [22]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сотрудничество в сфере энергетики и инфраструктурных проектов предполагало максимальное использование иностранных инвестиций, а также кредитов на льготных условиях, которые предоставлял Китай.

Взаимодействие, которое происходило между Китаем и странами Центральной Азии, по оценкам китайских исследователей осуществлялось по формуле «взаимное доверие в политике, взаимопомощь в экономике, взаимодополняемость в ресурсной сфере» [84]. Также была сохранено действие экспортной кредитной линии правительства Китая для стран членов ШОС на сумму 900 млн долл., также она была урегулирована межправительственным Меморандумом между Министерством финансов Республики Узбекистан и Эксимбанком Китая от 24 октября 2005 года. Это стало причиной того, что проекты, которые были запланированы ранее, снова возымели свое продолжение. Более того, китайское правительство также подкрепляла их действием льготной кредитной линии правительства Китая на сумму 1,2 млрд. долл. [31].

Во второй половине 2009 года, показатели Китай в макроэкономическом аспекте начали расти, также это относилось и к СУАР. В том же году, завершилось строительство газопровода «Центральная Азия – Китай».

В апреле 2011 года, состоялся визит президента Узбекистана в Китай, в ходе которого было достигнуто и подписано соглашение о строительстве третьей ветки газопровода «Центральная Азия – Китай», нетрудно было догадаться, что планы

Китая, которые касались освоения районов, где присутствовали нефть и газ были далеко идущими. Таким образом, Узбекистан должен был закончить свою часть газопровода до 2014 года.

В целом же, проекты, которые были важны для китайского капитала в Узбекистане, были направлены на осуществление проектов по инфраструктуре, также на энергетические проекты, ведь с их помощью можно было в максимально сжатые сроки, а также гораздо дешевле импортировать необходимые для Китая ресурсы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что китайское правительство ведет активную наступательную деятельность в плане создания новых механизмов и площадок межгосударственного экономического взаимодействия на многостороннем уровне, примером в данном случае можно привести ШОС. Но и кроме этого Китай также проводит активную кредитно-финансовую и проектно-инвестиционную политику, которая осуществляется в рамках торгово-экономической стратегии и национальной программы инновационно-промышленного развития. Таким образом, Китай привязывает к себе страны региона за счет осуществления проектов и направления инвестиционных потоков, ведь эти страны богаты углеводородами, также это идет на долгосрочную перспективу, в результате которой ослабевает влияние других региональных игроков, таких как США, России и ЕС.

2.3. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Туркменистан

Пекин обратил свое внимание на Туркменистан, который также, как и Узбекистан не имел общей границы с Китаем, а также в республике было небольшое население, но зато здесь были крупные запасы природного газа [51]. Интерес был объяснен тем, что Китай быстро потреблял ресурсы, по той причине, что шло постоянное усовершенствование инфраструктуры в сфере энергетики, а также ухудшалась экология страны.

Перспектива того, что из Китая будут направлены большие финансовые потоки, а также возможность открытия китайского рынка для сбыта газа, более чем устраивало туркменское правительство в его стремлениях переориентировать пути поставок газа. Также китайское правительство активно демонстрировало свою нейтральность, прагматизм, а также готовность развивать отношения между государствами на двустороннем уровне, вполне устраивали правительство Туркменистана.

В настоящий момент между Китаем и Туркменистаном существуют прочные взаимоотношения, в основе которых лежит закупка газа Китаем, также инвестиции в развитие разработок в месторождениях газа и газотранспортной инфраструктуры. Пусть у сторон есть взаимный интерес в развитии двусторонних отношений и извлечение из них максимальной выгоды, но при всем это также имеются и противоречия, которые касаются вопроса о цене на газ, схем погашения кредитов, выданных Китаем, а также, того каким образом изменить направление экономики Туркменистана и маршрутов поставок газа. На этом фоне возникают вопросы о том, каким образом продолжится развитие политических отношений между государствами, а если конкретизировать, то как далеко может зайти китайско-туркменское военно-техническое и гуманитарное сотрудничество.

Сотрудничество в сфере добычи и продажи энергоносителей, являются доминирующим фактором сотрудничества между Китаем и Туркменистаном, а также являются характеристикой их экономических связей. До появления подобного направления, сотрудничество между странами можно охарактеризовать как незначительное. На период с 1990-х годов и до первой половины первого десятилетия XXI века, торговля между Китаем и Туркменистаном составляла не более 2 % от общего объема торговли между Китаем и остальными странами Центральной Азии в пределах 110 млн долл.

Стоит выделить следующий момент — компании, занимающиеся проектами в нефтегазовом секторе Узбекистана, начали свою работу с конца 1990-х гг., занимаясь тем, что ремонтировали скважины на месторождениях газа и нефти, а

также разведкой полезных ископаемых. Это дало китайской стороне преимущество в виде информации полученной в ходе данных разведок о геологических условиях и углеводородных ресурсах республики, а также изучили обстановку в стране [30].

Переход экономического сотрудничества между странами на новый уровень стал возможен после визита президента Туркменистана С. Ниязова в Пекин, который состоялся в апреле 2006 года. В ходе визита, были подписаны договоры, в число которых входило соглашение о сотрудничестве между нефтегазовой компанией Китая и министерства нефтегазовой промышленности Туркмении. Таким образом, было достигнуто соглашение о том, что будет построен газопровод между Китаем и Туркменистаном, также установлены объемы закупок туркменского газа Китаем на каждый год и совместной разработке месторождения на правом берегу Амударьи.

Весной 2007 года, состоялось подписание декларации о строительстве Прикаспийского газопровода для наращивания экспорта газа из стран СНГ в страны Европы. Декларация была подписана Россией, Туркменистаном и Казахстаном. Данная декларация ставила под угрозу поставки туркменского газа в Китай, и подтолкнуло китайское правительство на начало переговоров с Туркменистаном. Несмотря на это, стоит выделить тот факт, что туркменская сторона была заинтересована в том, чтобы открыть новое направления для поставок газа в Китай и воспринимала эту задачу как первоочередную. Но по итогам, строительство Прикаспийского газопровода было отложено и возобновлено в 2017 г.

В августе 2007 года, состоялось начало строительства газопровода Центральная Азия – Китай, которое было основано на соглашениях двустороннего уровня Китая с каждым из государств участников строительства, т. е. Туркменистаном, Узбекистаном, Казахстаном и Китаем. Строительство было профинансировано кредитами, которые были выданы Китаем и инвестициями со стороны «Национальной нефтегазовой компании Китая».

Появление такого рода газотранспортной системы, показало интерес Китая к Центральной Азии, который только вырос, а также его претензии на место главного экономического партнера стран региона. Данный проект позволил открыть поставки газа в Китай из Узбекистана и Туркменистана, а на дальнейшую перспективу и для Казахстана. Первые поставки газа состоялись со стороны Узбекистана в сентябре 2012 года. А поставки газа из Казахстана в Китай были запланированы на 2017 год.

Летом 2009 года, произошел официальный визит делегации Китая в Туркменистан. По итогам этой встречи были подписаны документы о сотрудничестве между странами в сфере ТЭК, а также и о купле-продаже природного газа. Согласно заключенным соглашениям Туркмения обязалась с 2009 г. в течении 30 лет поставлять в Китай газ в объеме до 40 млрд кубометров в год после вывода в эксплуатацию первой очереди Трансзиатского газопровода. Было также подписано соглашение о выдаче Туркмении Банком развития Китая кредита в объеме 4 млрд долл. на освоение газовых месторождений группы Южный Иолотань [62].

В ходе визита в Китай в ноябре 2011 г. президент Туркменистана Г. Бердымухаметов подписал соглашение, согласно которому объем поставок туркменского газа в Китай будет дополнительно увеличен на 25 млрд кубометров в год – до 65 млрд. По заявлениям туркменских властей, на этот уровень поставки газа в Китай выйдут к 2021 г. [56].

Также, помимо вышеуказанного китайское правительство сумело добиться участия в разработке месторождений нефти и газа Туркменистана. И в июле 2007 года, состоялось подписание соглашения о разработке месторождений на правом берегу Амударьи, на основе договоренностей о разделе продукции и купле-продаже газа. Достигнутые результаты стали показателем больших успехов китайской дипломатии, так как другие иностранные компании не могли добиться подобного. 29 августа 2007 г. CNPC в качестве оператора получила лицензию на

разведку и освоение газовых месторождений на договорной территории Багтыярлык на правом берегу р. Амударья на срок 30 лет.

В дальнейшем также были заключены различные договоренности на периоды первого и второго десятилетия 2000-х годов, о различных проектах по разработке месторождений на территории Туркменистана. Данные договоренности были построены на том, что Китай выдавал кредиты и инвестиции на различные проекты, только чтобы увеличить поставки углеводородных ресурсов, которых не хватало стране. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Туркмении кредитная активность Китая была направлена на добычу и транспортировку природного газа. Проекты, которые были направлены на развитие легкой промышленности, промышленного строительства в данном случае считались не более чем вспомогательными, для того, чтобы обеспечить финансирование главной цели Китая в республике. В настоящее же время общая сумма кредитов достигает 12 млрд долл., выданных Китаем, что приводит к тому, что более 90 % от общего экспорта туркменского газа идет в Китай.

Можно сделать следующий вывод о том, что экономическое сотрудничество между Китаем и Туркменистаном, в основном ориентировано на то, чтобы Туркменистан получал и будет получать финансирование для развития собственной экономики, а Китай в свою очередь будет принимать активное участие в разработке месторождений и налаживании поставок природных ископаемых, которые так необходимы стране.

2.4. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Казахстан

Китай видит в Казахстане основного экономического партнера среди остальных стран Центральной Азии. Такое отношение к Казахстану со стороны Китая началось с момента установления дипломатических отношений между странами. Но если обратиться к истории, то можно увидеть, что в первом первой половине

1990-х годов Китай в экономической сфере присутствовал в Казахстане не очень значительно и ограничивался торговлей.

Поставки китайских товаров широкого потребления играли и до сих пор продолжают играть ключевую роль в насыщении потребительского рынка Казахстана. Первоначально это было связано с тем, что вследствие распада СССР перерабатывающие отрасли промышленности Казахстана практически прекратили функционировать, и по этой причине китайская продукция пользовалась широким спросом на казахстанском рынке. Кроме того, Казахстан еще стал получать дополнительную прибыль от реэкспорта китайских товаров в соседние страны [45].

Но во второй половине 1990-х годов, проникновение Китая в экономику республики стало более активным. Это выразилось в том, что китайские производители вышли на казахский рынок, а также увеличились объемы торговли. Но была и другая сторона, объяснявшая такую активность, она заключалась в том, чтобы насытить китайскую экономику сырьевыми ресурсами, которых ей не хватало, в частности Китай интересовался запасами нефти, также это дало объяснение тому, что началась деятельность в сферах проектов и инвестиций со стороны китайских компаний на территории Казахстана. Компании Китая, которые занимали главные места в энергетическом секторе стали приобретать активы в нефтегазовой отрасли республики, а также начали принимать участие в разработке и освоении месторождений на западе страны.

К началу первого десятилетия XXI века, объемы, а также глубина экономического влияния на Казахстан стали более заметны. Также резко увеличилось число китайских товаров на рынке Казахстана. В период 2001–2008 годов поставки товаров из Китая возросли в 11,3 раза – с 0,74 до примерно 8,4 млрд долларов, а общий товарооборот – с 1,25 до порядка 16 млрд долларов [44]. В 2009 году объем китайского экспорта в Казахстан уменьшился на 10,5 % по сравнению с предыдущим годом и составил 7,514 млрд долларов, а общий товарооборот – на 15,5 % – до 13,482 млрд долларов [44].

Китайское правительство начало вести более активную политику в сфере кредитов и инвестиций, которые предоставлялись на льготных условиях для реализации проектов, но большая часть из этих кредитов также осваивались китайскими компаниями, такие события стали происходить на фоне того, что Китай рассматривал Казахстан как основного партнера в Центральной Азии в сфере торговли и экономики. Но Китай инвестировал не только в нефтегазовую отрасль, также данная деятельность была направлена и на другие отрасли, которые могли предоставить ресурсы, необходимые китайской стороне.

Если оценивать масштабы экономического присутствия Китая в Казахстане, то можно сказать о том, что является значительным. При этом интерес китайских компаний продолжает лежать в сырьевой отрасли экономики Казахстана, хотя казахское правительство не оставляет попыток направить интерес Китая на перерабатывающие отрасли, а также на развитие промышленного и инновационного сотрудничества.

Как и было указано ранее интерес Китая в Казахстане лежит в основном в отраслях нефти и газа. А в основе проникновения Китая в экономику Казахстана является то, что китайская сторона активно приобретает зарубежные активы. Причина такого рода деятельности заключается в том, что к 2001 году, большая часть активов основных нефтегазовых месторождений Казахстана уже была поделена между западными и российскими компаниями. Но в 2003 году, компании начали активно продавать свои активы, что сыграло на руку Китаю, чем он успешно и воспользовался, скупив их. В настоящий момент выделяется ряд проектов, в которых Китай принимает активное участие. Китай принимает участие в проекте по разработке и освоению месторождений в Актюбинской области на северо-западе Казахстана, также в Атырауской области, которая находится на западе Казахстана, освоение Кумкольской группы нефтяных месторождений, которые находятся в Кызылординской и Карагандинской области в центральной части Казахстана, также в освоении нефтяного месторождения «Каржанбас», что находится в Мангистауской области, в западной части Казахстана. Также стоит

отметить, что китайская сторона принимает участие и в строительстве, а также эксплуатации нефтепровода «Атасу—Алашанькоу», а также газопровода в Атыубинской области. Также китайская сторона инвестировало в строительство, для дальнейшей эксплуатации казахстанского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай».

Но проекты в нефтегазовой отрасли были не единственными проектами, которые интересовали Китай, также китайское правительство проявляло интерес и к энергетической отрасли республики. Можно выделить следующее, интерес Китая в частности был направлен на гидроэнергетику и теплоэнергетику республики, проекты, которые были запланированы в данной сфере были направлены на то, чтобы в дальнейшем использовать выработанную электроэнергию для поставки ее в СУАР [9]. На данный момент в разработке находится проект, который касается возобновление строительства Мойнакской ГЭС на реке Чарын, а также существует ряд проектов, которые находятся в стадии планирования.

Также на период, который начинается с середины первого десятилетия XXI века, китайское правительство направило свой интерес на атомную отрасль Казахстана. В 2004 году, Китайская национальная корпорация заключила контракт с национальной корпорацией «Казатомпром», который включал в себя добычу урана на срок до 2020 года. Также данный контракт содержал в себе договоренность о том, что Китай и Казахстан стратегически скооперируются для сотрудничества в области атомной энергетики. В дальнейшем страны достигли и подписали соглашение о производстве ядерного топлива в тандеме [8].

Также интерес китайского правительства лежал в проникновении в транспортную отрасль, данный процесс наблюдается еще с 90-х годов прошлого века. В самом начале он касался стимулирования развития в сфере сопровождения транспорта, для того чтобы активизировать приграничную торговлю. Стоит отметить, что незадолго до того, как распался Советский Союз, между Китаем и Казахстаном был построен железнодорожный узел от станции Алашанкоу, которая находится в СУАР до станции Достык, которая находится в Казахстане. Данный

узел стал причиной того, что между Китаем и Казахстаном возникло сотрудничество целью, которого стало то, что страны стали активно развивать железнодорожное сообщения для увеличения товарооборота и для поставок сырья необходимого Китаю. Тем не менее, китайское правительство также начало развивать и транспортную инфраструктуру, в частности автомобильное сообщение. И в первое десятилетие XXI века, насчитывало 64 автомобильных маршрута, они были разделены на 33 пассажирских и на 31 грузовых маршрута. Выделенные маршруты в основном проходят через КПП, которые расположены в Хоргосе, Алашанькоу и Бахты. Также весной 2008 года были открыты дополнительные грузовые маршруты, которые проходили таким образом: «Урумчи – Хоргос – Карганда», «Урумчи – Зимунай – Караганда», «Урумчи – Бакэту – Караганда», а также «Урумчи – Алашанькоу – Караганда». Помимо выше перечисленных маршрутов в настоящее время также наблюдается активизация сотрудничества и в области железнодорожного транспорта [10].

В целом же, можно сделать вывод о том, что Казахстан, до сих пор является главным объектом экономического интереса в центрально-азиатском регионе. Такой вывод можно сделать и на основе того, что с момента распада СССР, Китай начал свое экономическое проникновение в регион именно с Казахстана. Даже если учесть, тот факт, что изначально китайское проникновение отражалось только в товарообороте между странами, и это дало незначительное развитие в сфере транспортной коммуникации, то сейчас же можно утверждать, что с начала второго периода экономической политики Китая в Центральной Азии, просматриваются более четкие стремления Китая в реализации конкретных проектов, а также растущее количество инвестиций, которые направлены в республику.

Естественно стоит отметить, что в основу таких усилий легло то, что у Китая есть интерес в нефтегазовой отрасли, а также в развитии коммуникаций и транспорта для доставки сырья. Также стоит отметить, что с начала XXI века наблюдается переориентация китайского присутствия в Казахстане по отраслям экономики. Но казахское правительство также позволяет Китаю проникать в свою

экономику, старается направить внимание китайской стороны на развитие проектов в несырьевом, а также в промышленном и инновационном секторах.

2.5. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Кыргызстан

Экономические связи Китайской Народной Республики (КНР) с Кыргызской Республикой (КР) стали развиваться сразу же после распада СССР и установления 5 января 1992 года между двумя странами дипломатических отношений. При этом китайское экономическое проникновение в Кыргызстан с самого начала было сосредоточено преимущественно в торговой сфере.

Торгово-экономическое сотрудничество продолжало находиться на уровне, достигнутом во второй половине 1990-х гг., и основывалось на торговле дешевыми китайскими товарами народного потребления и закупках сырья в КР. Вступление КНР в ВТО в декабре 2001 г. обозначило новые перспективы торговли с КР — также членом данной организации с 1998 г. (Как отмечает в своем исследовании Г. Турсунбаева, условия вступления КНР в ВТО предполагали снижение до 9,4 % таможенных тарифов на промышленные товары к 2005 г., также было оговорено снятие к 2005 г. таможенных тарифов на продукцию сферы информационных технологий, расширение доступа КНР на рынок сельскохозяйственной продукции соседних стран — членов ВТО) [53]. При этом китайским предприятиям, экспортирующим свою продукцию в регион, предоставлялись государственные преференции в виде права прямого экспорта или возврата налогов в зависимости от доли экспорта в обороте товара.

На фоне вступления Китая в ВТО с 2002 г. наблюдается 70 %-ное увеличение ввоза в КР химической продукции, электрооборудования, механических установок и запчастей к ним. Основными статьями импорта в КНР из КР оставалось сырье — нержавеющие металлы, кожа, мех, алюминий [61].

В целом эксперты из КНР продолжали отмечать проблему низкого качества экспортируемого в Кыргызстан китайского товара, невысокую пропускную

способность перевала Торугарт, а также проблему отсутствия китайского банка в Оше — одном из центров китайско-кыргызстанской торговли [61, с. 245]. Товарооборот с соседним государством Китаю предстояло вывести на новый уровень, отвечающий, в первую очередь, стратегии развития западных регионов КНР. Решение первостепенной для безопасности КНР проблемы границ позволило китайской стороне перейти к активизации двусторонних торгово-экономических связей. Китайские инициативы четко обозначились в 2004 г. Во время визита нового премьер-министра КНР Вэнь Цзябао в Бишкек в подписанной Программе сотрудничества на 2004—2014 гг. впервые были комплексно очерчены направления двустороннего взаимодействия государств: политическая и торгово-экономическая сферы, транспорт и инфраструктура, энергетика и освоение минеральных ресурсов, инвестиции, туризм, научно-техническое и культурно-гуманитарное сотрудничество [40]. При этом приоритет явно отдавался торгово-экономическому взаимодействию и транспортным перевозкам. В 2004 — начале 2005 гг. китайскими экспертами по центральноазиатскому региону также высказывались рекомендации о необходимости развития торговли с КР, включая улучшение методов торговли, перевозок, диверсификацию и рост качества китайских товаров [61, с. 245].

Исходя из данных официальной китайской и кыргызстанской таможенной статистики можно отметить устойчивый рост двусторонней торговли к середине 2000-х гг., в основном за счет китайского экспорта. Согласно государственной статистике КР, к началу 2000-х гг. КНР являлась третьим по величине торговым партнером КР.

Масштабно прогрессирующая к середине 2000-х гг. разница китайских и кыргызстанских данных подтверждается цифрами, приводившимися послом КНР в КР Чжан Яньнянем в Бишкеке [46]. Подобный разрыв в статистической информации можно объяснить высокими объемами «неучтенного» товара в китайско-кыргызстанской торговле, а также проблемой «теневого» экономики КР. В Кыргызстане на перевалочных базах на рынке Дордой, на Баткенском рынке в

Бишкеке, на рынке Карасуу в Оше и др., как отмечал в 2005 г. эксперт из КР М. Чаначев, народная торговля самостоятельно «вышла на уровень зон свободной торговли». Как следствие, торговля из розничной стала оптовой, причем к середине 2000-х гг. начался переход к прямым связям китайских производителей и кыргызстанских продавцов.

Экономическая помощь Китая Кыргызстану в рассматриваемый период, исходя из данных Министерства экономики Кыргызстана, которые приводит в своей работе Н. Касенова, в 2000—2001 гг. равнялась 1,82 млн дол., то в 2002—2004 гг. составила уже 7,248 млн дол. США [17], т. е. увеличилась почти в 4 раза. Выделяемая КНР экономическая поддержка была неразрывно связана с деловыми интересами Китая за рубежом и, что является признанным на экспертном уровне фактом, определялась государственной экономической стратегией «выхода вовне».

Китай не спешил приходить в КР с крупными проектами и инвестициями, в основном наращивая свой экспорт в соседнюю страну. Это было связано как с проблемами инвестиционного климата КР, неразвитостью транспортной инфраструктуры, так и, непосредственно, с политикой китайской стороны, стремившейся решить собственную проблему с рабочими местами в Китае и реализацией готовой китайской продукции. Китайский бизнес не был заинтересован в создании крупных производственных объектов в КР, равно как и в передаче технологий партнерам из Кыргызстана.

Аналогичные причины обусловили отсутствие ощутимой динамики сотрудничества в области энергетики и горнодобывающей отрасли в 2001—2005 гг. Взаимодействие в области энергетики было декларировано соответствующим Рамочным соглашением 2002 г. и вновь заявлено в Программе сотрудничества на 2004—2014 гг. Хотя в 2004 г. стороны договорились о совместном строительстве двух ГЭС на р. Нарын с объемом инвестиций около 2 млрд долл., однако соглашения были аннулированы весной 2005 г. по причине внутривнутриполитического кризиса в Киргизии [17]. После начала в 2000 г. закупок Китаем драгоценных металлов вплоть до середины десятилетия китайская сторона

периодически высказывала заинтересованность в разработке кыргызстанских золоторудных месторождений (Талды—Булак, Джеруй, Терек—Сай), однако оговаривавшиеся сторонами во время переговоров крупные вложения в горнодобывающую отрасль не были сделаны. Сходная тенденция наблюдалась и в нефтедобывающей отрасли [46].

В области транспортно-логистических проектов сотрудничество также развивалось довольно медленно. После достижения общего урегулирования по южным границам с 2000 г. начались работы по реабилитации автомобильной дороги Ош—Сары-Таш—Иркештам, в 2002 г. в Иркештаме был открыт контрольно-пропускной пункт (КПП) [2]. Однако дорожное строительство затянулось. Подобная ситуация сложилась и вокруг проекта железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан (из синьцзянского Кашгара в узбекскую часть Ферганской долины, с участком Торугарт—Узген—Карасуу длиной 268 км на территории КР), обсуждавшегося еще с конца 1990-х гг. При этом, если автодорога от китайской границы в Оше в целом отвечала требованиям развития торговли, то проект железной дороги с выходом в Узбекистан, несмотря на потенциально большой объем перевозимых товаров, непосредственно затрагивал интересы безопасности западных районов КНР. Во время переговоров китайская сторона неизменно откладывала рассмотрение инициированного КР вопроса о железной дороге, что, по мнению известного кыргызстанского эксперта по КНР М. Иманалиева, означало «вежливый отказ» [46].

В целом складывается впечатление, что в первой половине 2000-х гг. стратегия КНР была основана на первоочередном решении вопросов безопасности, приоритетном с 2004 г. наращивании торговли с КР в целях ускоренного развития неблагонадежного СУАРа и обозначении иных сфер сотрудничества на будущее, в зависимости от интересов китайского бизнеса и перспектив инвестиционного и внутривосточного климата в Кыргызстане.

Вторая половина 2000-х гг. связана с ускорением реализации транспортно-логистических проектов на территории КР с участием китайской

стороны. По свидетельству посла КНР в Кыргызской Республике Ван Кайвэня, значимость транспортного коридора через Кыргызстан в Европу и на Ближний Восток во многом обусловлена перегрузкой транссибирского коридора, КПП в Маньчжурии и китайскоказахстанских КПП. С 2007 г. наблюдается активизация реабилитации стратегически значимой для развития транспортных коммуникаций КНР и КР автодороги Ош—Сары-Таш—Иркештам при финансовом участии Азиатского банка развития (АБР), Исламского банка развития (ИБР), Эксимбанка и Государственного банка развития Китая. При этом Эксимбанк предоставил кыргызской стороне самый крупный льготный кредит в размере 75,3 млн долл. США [41], а Государственный банк развития Китая выделил на строительство 25,3 млн долл. США [39]. Основным подрядчиком проекта стала Китайская корпорация по строительству дорог и мостов (China Road and Bridge Corporation). По официальным данным, реабилитация автодороги Ош—СарыТаш—Иркештам полностью завершена в октябре 2012 г.

Второй крупный транспортно-логистический проект с участием китайской стороны — реабилитация автодороги Бишкек—Нарын—Торугарт (500 км). На льготный кредит Эксимбанка (200 млн дол. США) в мае 2010 г. начато строительство участка автодороги на территориях Чуйской, Иссык-Кульской и Нарынской областей. Подрядчиком выступает Китайская корпорация по строительству дорог и мостов. Проект запланирован к завершению в декабре 2012 г. [11]. По состоянию на ноябрь 2012 г. подрядчиком выполнено более 74 % всех работ. Тот же подрядчик приступил к реабилитации ряда других участков дороги под финансирование АБР, с запланированным завершением работ к 2014 г.

Кроме того, Китайская корпорация по строительству дорог и мостов с октября 2008 г. по ноябрь 2012 г. выполняла работы по объявленной в 2007 г. реконструкции дороги СарыТаш—Карамык под финансирование АБР. Данная автотрасса является важной составляющей региональной дорожной сети Центральной Азии, соединяя КР (и КНР) с Таджикистаном, равно как и с частью Азиатской дорожной сети, связывающей порты Ирана и КР.

Помимо автодорог, экономически выгодной и эффективной является транспортировка товаров по железнодорожному пути. В настоящее время перевозки китайских товаров в страны региона по железнодорожным линиям осуществляются через Казахстан. Строительство железной дороги из СУАР в КР производится, таким образом, в интересах как Китая, так и Кыргызстана. Лоббирование строительства железнодорожных путей на протяжении десятилетия осуществлялось кыргызской стороной, для которой крайне важно соединение не только юга страны с соседними государствами, но и наличие железнодорожной коммуникации северных и южных районов. Внимание на проекте было вновь акцентировано во второй половине 2000-х гг.: в 2006 г. КНР выделила грант в размере 2,12 млн долл. США на предварительные оценки проекта, предложив кредит на строительство в обмен на доступ к минеральным ресурсам КР [17]. Однако окончательное решение о строительстве не было принято, проект лишь продолжал регулярно упоминаться в совместных декларациях. В 2012 г. стороны ограничились поручением соответствующим ведомствам двух стран «укрепить связь и координацию» и завершить подготовку ТЭО к апрелю 2013 г. Оценка стоимости проекта возросла до 2 млрд дол. США. Проблема обострения ситуации в соседнем государстве, потенциальная напряженность в регионе, иранский вопрос, узбекско-кыргызские противоречия и вопросы вокруг окупаемости проекта заставляют китайскую сторону тщательно взвешивать соотношение экономических выгод железнодорожной магистрали и угроз безопасности для проблемного СУАР.

Таким образом, с 2004 г. новый этап реализации китайской стратегии в КР характеризовался наращиванием двусторонней торговли в целях ускоренного развития СУАР и обозначением иных сфер сотрудничества в зависимости от интересов китайского бизнеса и перспектив инвестиционного климата в КР. Внутриполитические изменения в КР 2005 г. были непредвиденными для КНР и вызвали некоторое снижение темпов реализации данной стратегии. Полноценное возобновление политических связей государств в 2006 г. позволило Китаю

приступить к новому этапу расширения своего присутствия в КР, начиная с 2007 г. Активизация отношений помимо очевидного усиления торгово-экономической составляющей включала также весомое участие Китая в транспортно-логистических и горнодобывающих проектах КР. Мировой экономический кризис и последовавшая смена политической элиты КР не повлияли значительным образом на объемы взаимной торговли.

Выводы по Главе 2

После событий 11 сентября 2001 года, Китай сделал переход к «наступательной» политике в Центральной Азии, это дало возможность усилить свои позиции, но полученные результаты были противоречивы с точки зрения долгосрочных интересов как стран региона, так и КНР.

С одной стороны, крупным прорывом явилось укрепление ШОС и превращение ее в многопрофильный институт межгосударственного сотрудничества. Китай получил уникальную возможность принимать непосредственное и участие в жизни Центральной Азии, став к тому же одним из основных гарантов формирующейся системы региональной безопасности.

С другой стороны, между Китаем и государствами Центральной Азии по-прежнему сохраняются экономические отношения, которые были установлены в 1990-х годах; структура торговли происходит по формуле «сырье в обмен на готовую продукцию». Более того, происходит дальнейшее закрепление данного механизма посредством реализации китайских проектов, преимущественно в сырьевых отраслях стран региона, а развитию инновационно-промышленных связей должного внимания не уделяется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была рассмотрена внешнеэкономическая стратегия Китая. Стоит отметить, что она сохраняет преемственность, с традиционными принципами политики КНР: обеспечить благоприятные внешние условия, которые позволят китайскому правительству в дальнейшем развивать страну и по итогу превратить ее в мировую державу. Сотрудничество, которое ведет КНР с Центральной Азией играет далеко не последнюю роль в осуществлении этих планов.

Конечно, в 1990-х годах, на момент распада СССР перед Китаем открылись новые горизонты для развития внешней политики и правительство предпринимало осторожные, но в тоже время скоординированные шаги совместно с Москвой, которые на тот период времени ограничивались региональным контекстом.

Однако первое десятилетие XXI в. показало то, что КНР стала рассматривать центрально-азиатское направление, как основной вектор развития целого комплекса внешней политики на глобальном уровне. Стоит отметить, что кардинальные изменения, которые произошли на международной арене, дали толчок китайской политике для перехода в наступление в Центральной Азии.

Свою роль, в такого рода изменениях, сыграло то, что на смену старой правящей элиты КНР пришло новое поколение политиков. Характерными чертами этого поколения является большая амбициозность, прагматизм, жесткость в вопросах отстаивания национальных интересов. Новое поколение принимаемая решения в отношении Центральной Азии, перестало «оглядываться на Россию». Также стоит

отметить то, что со стороны Запада увеличивалось внимание к региону, которое «молодые политики» не могли игнорировать.

В то же время политике КНР в ЦА присущи и серьезные недостатки, главным из которых является рассмотрение региона в качестве сырьевого придатка китайской экономики. Усиление присутствия Китая в регионе напрямую связано с наращиванием проектно-инвестиционной активности, в первую очередь в сырьевых отраслях, развитием трубопроводных и других транспортных проектов по «вывозу сырьевых ресурсов», а также соответствующим кредитно-финансовым и политическим содействием.

Прогнозируя результаты принесет подобная активность Китая в регионе, можно отметить, что.

С одной стороны, роль и место, которое занимает КНР в современном мире, значительные масштабы китайской экономики и динамичное развитие практически всех отраслей промышленности позволяет сделать вывод о том, что именно Китай может стать той силой, которая окажет поддержку в развитии экономики Центральной Азии.

С другой стороны, если учесть все проблемы, которые стоят на пути развития самого Китая, на фоне этого может выстроиться абсолютная другая схема отношений с Центральной Азией, которая будет охарактеризована как прагматичная и может быть связана с эгоистичными интересами. В таком случае, можно сделать выводы о том, что КНР будет всеми силами стараться выжать максимум из сырьевой базы региона для того, чтобы обеспечить развитие своих регионов, а также для того, чтобы создать те или иные экономические связи и транспортные коммуникации.

Кроме перечисленного выше, стоит выделить и тот момент, что система отношений, которая до сих пор формируется в рамках ШОС, будет в первую очередь обеспечивать интересы Китая.

Для китайского правительства рациональней будет сделать основной акцент на выстраивании механизмов многопланового и взаимовыгодного сотрудничества со

странами Центральной Азии и Россией. Началом формирования данного сотрудничества могла бы стать всемерная поддержка Китаем идеи экономической реинтеграции внутри самого региона и, даже, на постсоветском пространстве в целом, а на последующих этапах – постепенной интеграции в рамках ШОС.

Опираясь на вышеуказанное можно выделить следующий момент: постепенное осознание необходимости сотрудничества в Центральной Азии для Китая и России, может привести к началу принципиально нового этапа китайской политики в регионе, а также о выработке прогрессивной и взаимовыгодной схемы взаимодействия в центре Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Алимов, Р. К. Экономические отношения Таджикистана и Китая / Р. К. Алимов / Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. — 2013. — № 8 (283). — С. 91 – 99.
- 2 Богатуров, А. Д. Центральная Азия: отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, Е. Ф. Троицкий. — М.: НОФМО, 2010. — 104 с.
- 3 Васильев, Л. Е. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС / Л. Е. Васильев // Мировые державы в Центральной Азии: сб. науч. тр. – М.: Изд-во ИДВ РАН, 2011. – С. 2–39.
- 4 Воробьев, В. Политика Китая в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-deTence.ru>. (дата обращения: 10.01.2019).
- 5 Верхотуров Д. Зачем Китаю Таджикистан? // Информационная служба «Avesta.tj» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avesta.tj/index.php?newsid=221>. (дата обращения: 15.02.2019).
- 6 В экспериментальном порядке началось движение поезда по маршруту Китай – Казахстан – Россия // Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в Екатеринбурге [Электронный ресурс]. URL: <http://ekaterinburg.chineseconsulate.org/rus/jmwl/134434/t791011.htm>. (дата обращения: 18.02.2019).
- 7 Высокое качество дороги для нас важнее всего (интервью с генеральным директором представительства CRBC в Кыргызстане Чжаном Цзюнью) // Вечерний Бишкек. —2010. — 10 янв. — С. 2.
- 8 Группа реализации инвестиционных проектов Министерства транспорта и коммуникаций КР [Электронный ресурс] URL: <http://piumotc.kg/ru/news/113> (дата обращения: 8.02.2019).

9 Группа реализации инвестиционных проектов Министерства транспорта и коммуникации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]
URL: <http://piumotc.kg/ru/news/115> (дата обращения: 8.02.2019).

10 Калиева, Р. М. Визиты в зарубежные страны, встречи, выступления и интервью Президента Республики Казахстан / Р. М. Калиева // Вестник дипломатии, Алматы: Министерство иностранных дел РК. —2010. —№2 (24). – С. 24.

11 Калиева, Р. М. Визиты в зарубежные страны, встречи, выступления и интервью Министра иностранных дел Республики Казахстан / Р. М. Калиева // Вестник дипломатии, Алматы: Министерство иностранных дел РК. , – 2011. – №4 (31), – С. 15.

12 Калиева, Р. М. Визиты в Республику Казахстан, встречи, выступления и интервью глав государств, правительств и официальных лиц зарубежных стран, руководителей региональных и международных организаций / Р. М, Калиева // Вестник дипломатии, Алматы: Министерство иностранных дел РК. – 2011. — №5 (32). – С. 31.

13 Высокое качество дороги для нас важнее всего (интервью с генеральным директором представительства CRBC в Кыргызстане Чжаном Цзюнью) // Вечерний Бишкек. —2010. — 10 января — С. 2.

14 Итоги рабочего визита президента А. Атамбаева в Урумчи (03.09.2012) [Электронный ресурс] // Общественная телерадиовещательная корпорация Кыргызской Республики [Электронный ресурс] URL: <http://ktrk.kg/rus/index.php?newsid=7434>

15 Информационный портал «ТопТJ.com» [Электронный ресурс]. URL: http://www.toptj.com/ShowNews.aspx?news_id=0E0B2B76-21ED-4253-9F2339EDC8D38E4B (дата обращения: 12.02.2019).

16 Касенова, Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану / Н. Касенова. — Париж: IFRI Центр Россия —2009. — 31 с.

17 Казахстан может начать экспортировать газ в Китай в 2017г // Интерфакс Казахстан. 2016. 17 марта [Электронный ресурс]

URL: https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=10&news_id=11531

(дата обращения: 12.02.2019).

18 Кыргызская Республика: проект улучшения регионального дорожного коридора ЦАРЭС [Электронный ресурс] // Министерство транспорта и коммуникации Кыргызской Республики. URL: http://sk-road.com/yahoo_site_admin/assets/docs/_17_Quarterly_report_russian_final_new.22790957.pdf

(дата обращения: 05.03.2019).

19 Китай в мировой политике / под ред. А. Д. Воскресенского, М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 528 с.

20 Китайский Шёлковый путь пройдёт по железным дорогам Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analytics/27356>

(дата обращения: 24.01.2019).

21 Куандыков, А. А. Тренды внешней политики торговли Казахстана с Китаем / А. А. Куандыков / Алматы: Международная бизнес-школа КазЭУ, —2013. – 5 с.

22 Канцелярия Советника по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики в Республике Узбекистан [Электронный ресурс].

URL: <http://preview.uz2.mofcom.gov.cn/aarticle/bilateralvisits/200907/2009070.html>

(дата обращения: 13.04.2019).

23 Касенова, Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану / Н. Касенова. — Париж: IFRI Центр Россия —2009. — 31 с.

24 Ларин, А. Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А. Г. Ларин, В. А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 5. – С.8.

25 Лузянин, С. Г. Политика России и Китая в «классической» Центральной Азии и формирование их обновленного имиджа в регионе / С. Г. Лузянин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2009. – Т. 14, № 14. – С. 49–82.

26 Лузянин С. Г. Некоторые аспекты китайской политики в отношении стран «ближнего круга»//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVМ.:ИДВ РАН, 2010. – Т. 14, № 14. – С. 6–22, 49–82.

27 Мамонов М. Стратегия «профилактики опасности» во внешней политике КНР /М. Мамонов// Международные процессы (Россия). —2007, —№ 3 (15) [Электронный ресурс] URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/003.htm> (дата обращения: 19.03.2019).

28 Маркетинговое исследование рынка республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: [Marketingovoe_issledovanie_rynka_Respubliki_Kazahstan%20\(1\).pdf](http://Marketingovoe_issledovanie_rynka_Respubliki_Kazahstan%20(1).pdf) (дата обращения: 26.03.2019).

29 Мегоран, Н. Обращение к Маккиндеровой политике. Пример Узбекистана / Н. Мегоран// Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 4 (40). – С. 107–124.

30 Мамытова, Г. Китай восстановит деятельность 40 простаивающих предприятий Кыргызстана / Г. Мамытова [Электронный ресурс]. URL: www.gezitter.org/economics/50384_kitay_vosstanovit_deyatelnost_40_prostaiwayuschi_h_predpriyatiy_kyirgyizstana (дата обращения: 23.03.2019).

31 Министерство внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfer.uz/rus/mejdunarodnoe_sotrudnichestvo/sotrudnichestvo_s_reg_i_mejd_organizaiyami/informaiya_o_torgovo_ekonomicheskix_otnosheniyax_respubliki_uzbekistan_s_gosudarstvami_chlenami_shanxayskoj_organizaii_sotrudnichestva/ (дата обращения: 9.02.2019).

32 Нурыев А. Пласты дружбы // Туркменистан. 2006. № 9–10 (18–19) [Электронный ресурс] URL: http://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_37/294&lang_id=ru (дата обращения: 12.04.2019).

33 Ниятбеков. В. Республика Таджикистан в региональном измерении / В. Ниятбеков, Х. Додихудоев // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 3 (45). – С. 83–98.

34 Новосельский, Г. Я. Современные трактовки интеграционного процесса в Центральной Азии: анализ и прогноз / Г. Я Новосельский, И. М. Темкина // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2013. – № 1 (3). – С. 18–25.

35 Новый смысл развития строительной отрасли КНР в ближайшей перспективе // Цзяньчжу (Строительство), №6, —1994. – С. 3.

36 Парамонов В. Внешняя политика Китая в Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ, —2010, Т. 11, №4. С. 66—79.

37 Парамонов В. Экономическое присутствие Китая в Туркменистане // Время Востока: авт. интернет-проект. 2009. 6 августа [Электронный ресурс] URL: <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/702.html> (дата обращения: 13.04.2019).

38 Повестка дня заседания парламентской фракции «Ата Мекен» 2 марта 2011 г. [Электронный ресурс] http://www.kenesh.kg/Articles/892-Povestka_dnya_zasedaniya_parlamentskoj_frakcii_Ata_Meken_2_marta_2011_goda.aspx (дата обращения: 15.03.2019).

39 Посол Китая в КР Ван Кайвэнь: «Нам нужен еще один коридор — центральноазиатский» (интервью 14 июня 2012 г.) [Электронный ресурс] URL: <http://rus.kg/news/analytics/5206posol-kitaya-v-kr-van-kayven-nam-nuzhen-esche-odin-koridor-centralnoaziatskiy.html> (дата обращения: 19.02.2019).

40 Программа сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой на 2004— 2014 г. (от 21 сентября 2004 г.) [Электронный ресурс] URL: http://www.atc.kg/doc/shos/16__ (дата обращения: 11.04.2019).

41 Проект реабилитации автодороги Ош—Сары-Таш—Иркештам: финансирование [Электронный ресурс] URL: http://piumotc.kg/ru/osi_financing/ (дата обращения: 15.02.2019).

42 Парамонов, В. Основные проблемы на пути развития сотрудничества стран Центральной Азии в транспортно-коммуникационной сфере [Электронный ресурс] URL: <http://ia-centr.ru/expert/4046> (дата обращения: 13.04.2019).

43 Парамонов, В. Этапы экономической политики Китая в Центральной Азии / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13, № 1. – С. 120–131.

44 Савкович Е. В. Проекты экономической интеграции Китая и Казахстана2//Агентство политических исследований Казахстан (АНП-Казахстан, Институт национальной стратегии) [Электронный ресурс] URL: <http://www.apn.kz/publications/print5545.html> (дата обращения: 5.04.2019).

45 Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Книга 1. В начале пути. Алматы: КИСИ при Президенте РК, —2010. – С. 34—36.

46 Стенограмма круглого стола «Взаимоотношения между Китаем и Кыргызстаном после 24 марта 2005 года» [Электронный ресурс] // Институт общественной политики. [Электронный ресурс]. URL: http://ipp.kg/admin/mod/html_edit/ktml2/files/uploads/RT_25_May_RUS.pdf (дата обращения: 13.04.2019).

47 Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. – В трех книгах. Книга 1. В начале пути. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, —2010. – С. 15.

48 Сыроежкин К. Западные ворота в Китай//Континент, №19 (32) 4-17 октября 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://www.continent.kz/2000/19/20.html> 13.08.2005 (дата обращения: 16.02.2019).

49 Сыроежкин К. Л. Западные ворота в Китай// Континент, № 19 (32) 4 –17 октября 2000 [Электронный ресурс] URL: http://www.bishkekchamber.kg/Inrorm/Region/China_001016_1.htm 17.06.2001. (дата обращения: 14.02.2019).

50 Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Книга 1. В начале пути. Алматы: КИСИ при Президенте РК, —2010. – С. 215, 247.

51 Савкович Е. В. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992-2012 гг.) / Е. В. Савкович: под ред. В.П. Зиновьева; М-во образования и науки Российской Федерации, Томский гос. Ун-т. – Томск: Томский гос. Ун-т, 2012. —2012. С. 335.

52 Таджикиско-китайские отношения сумели сохранить тенденцию бурного развития//Информационное агентство «Инэлко» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inelco.ru/news/2196/> (дата обращения: 26.03.2019).

53 Турсунбаева, Г. Э. Кыргызско-китайские отношения в 1991—2009 гг.: от двустороннего сотрудничества к многовекторному партнерству: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. Э. Турсунбаева. — Бишкек, —2012. — С. 181.

54 Чуфрин Г. И. Проблемы безопасности во внешней политике Китая. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2005. С. 148-149.

55 BP Statistical Review of World Energy. 2016. June. P. 20. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

56 Harris L.C. Xinjiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in Islamic World// The China Quarterly. March 1993, №133, P. 124.

57 The Economic Intelligence Unity, Country Profile Kazakhstan. – [S. I.], 2003. P. 46.

58 Turkmenistan.ru. 2009. 25 июня. [Электронный ресурс]. URL: http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=15139&type (дата обращения: 16.05.2019).

59 Trend.az. 2016. 25 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trend.az/casia/turkmenistan/2524660.html> (дата обращения: 5.05.2019).

60 Чжунъя уго шоу цэ (Справочник: государства Центральной Азии), Урумчи: Издательство научно-технической литературы и литературы по здравоохранению, —1992. С. 290.

61 Тохунбай, А. Цзиэрцзисысытань: Чжунго си бу линцзю = Кыргызстан: западный сосед Китая / А. Тохунбай. — Синьцзян шэхуэй кэсюеюань Чжунъя яньцзюсо = Институт по изучению Центральной Азии при Академии общественных наук СУАР КНР, —2004. —С. 322.

62 Чжунъя уго юй Чжунго сибу дакайфа (Пять государств Центральной Азии и стратегия большого освоения запада КНР)/Под ред. Чжао Чанцин. Пекин: Куньлун чубаньшэ, —2004. —С. 395.

63 Синьцзян: Маои юй шанье (Синьцзян: торговля и коммерческая деятельность)//Дунфан миньцзу ван (Сеть народов Востока) [Электронный ресурс] URL: <http://www.e56.com.cn/minzu/West/xinjiang3-14.htm> (дата обращения: 10.01.2019).

64 Синьцзян гайгэ кайфан 30 нянь тунлань (Тридцатилетний путь реформ и открытости Синьцзяна). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, —2008. — С. 40—41.

65 Цзя Сяомин. Вого дицюй фачжань чжаньлюэчжун Синьцзян чжаньлюэдэ синчэн (Формирование региональной стратегии развития Синьцзяна в рамках общекитайской стратегии регионального развития)//Синьцзян шифань дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань (Вестник Синьцзянского педагогического университета. Серия: Философия и социальные науки), —1999, Том 20, №3. —С. 65—66.

66 Цзян Цзэминь цзуншуцзи цзай Синьцзян каоча (Председатель КНР Цзян Цзэминь с инспекцией в Синьцзяне)//Синьхуа ван (Сеть Синьхуа) [Электронный ресурс] URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2000-12/31/content_478680.html (дата обращения: 30.04.2019).

67 Лю Вэньчжу, Ван Гуйсун. Гайгэ кайфан 14 нянь Синьцзян цзинцзи фачжаньдэ хуэйгуй (14 лет реформ в Синьцзяне: оценки экономического развития)//Синьцзян шэхуэй кэсюэ (Наука и образование в Синьцзяне), —1992, №6. —С. 76—81.

68 Синьцзян вэйуэр цзычжицуй жэньминь чжэнфу гуаньюй сюдин хэ фэйчжи буфэнь чжэнфу гуйчжан югуань шиидэ цзюэдин (Решение народного правительства СУАР об изменениях и отмене частей законодательных актов предыдущих редакций)//Фалюй цзююй ван (Правовое образование), 20.11.1997 [Электронный ресурс] URL: <http://www.chinalawedu.com/falvfagui/fg21752/155825.html>_(дата обращения: 25.04.2019).

69 Чжунго юй Чжунъя (Китай и Центральная Азия)/Под ред. Син Гунчэна, Сюэ Цзюньду. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, —1999. – С. 97.

70 Лузянин С.Г.Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов//Китай в мировой политике. – М.: МГИМО (У); РОССПЭН, —2001. —С. 321—322.

71 Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества / Чжао Хуашэн. - Москва : [б. и.], —2005.С. 146, 170—171.

72 Цин Фанмин. Чжунго юй Чжунъя гоцзя цюйюй цзинци хэцзо яньцзю (Исследование регионального экономического сотрудничества КНР с Центральной Азией). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2010. С.20, 21, 24, 26, 27, 29-30

73 Ван Хайян. Чжунго юй Чжунъя уго цзинмао гуаньсидэ сяньчжуан цзи фачжань цяньцин (Современное состояние и перспективы торгово-экономических связей КНР с государствами Центральной Азии) // Синьцзян шэхуэй цзинци (Экономика и общество Синьцзяна), —1996, №2. С. 61.

74 Чжунго коуань няньцзянь (Ежегодная статистика по открытым портам Китая). – Пекин: Чжунго хайгуань чубаньшэ, —2000. С. 491.

75 Син Гуанчэн. Шанхайская организация сотрудничества: приоритетные направления//Мировая экономика и международные отношения, —2002, №11. С. 74.

76 Син Гуанчэн. Китайская внешняя политика и Казахстан // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / Под ред.

Р. Легволда. Кембридж: Американская академия гуманитарных и точных наук, —2004. —С. 150.

77 Тацзикэсытань гунмаобу юй Шаньси шэн цзяньди лянсьи (Министерство промышленности и торговли Таджикистана установило связи с провинцией Шэньси) // Чжунъя синьси (Информация Центральной Азии), —2009, №5. —С. 31.

78 Чжао Хуашэн. Чжунгодэ Чжунъя вайцзяо (Дипломатия Китая в Центральной Азии). – Пекин: Шиши чубаньшэ (Издательство актуальных политических проблем), —2008. —С. 170, 194.

79 Сюй Тункай. Чжунго юй Усыбекэсытань цзинмао хэцзо цянцзин гуанко (Перспективы расширения торгово-экономического сотрудничества КНР с Узбекистаном) // Элосы Чжунъя Дуоу шичан (Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы), —2006, №4. —С. 1.

80 Лузянин С.Г. Некоторые аспекты китайской политики в отношении стран «ближнего круга»//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV.- М.:ИДВ РАН, —2010. С. 6—22.

81 Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества / Чжао Хуашэн. - Москва : [б. и.], —2005. —С. 170—171.

82 Элосы Чжунъя Дуоу шичан (Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы), —2006, № 2. —С. 1.

83 Жэньминь жибао (на русском языке), 18.06.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/2582416.html> (дата обращения: 24.04.2019).

84 Гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо. Ланьпишу. 2009—2010. (Международная ситуация и дипломатия Китая, 2009-2010 гг. Синяя книга). – Пекин: Шицзи чжиши чубаньшэ, —2010. —С. 317.

85 Соглашение по строительству железной дороги «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» будет подписано уже в этом году // Сообщение КирТАГ, 14 апреля 2011 [Электронный ресурс] URL: http://www.kyrtag.kg/?q=news/5377_ (дата обращения: 06.05.2019).

86 China, Kyrgyzstan, Uzbekistan Plan Joint Railway//China.org.cn. – December 30, 2003 [Электронный ресурс]
URL: <http://www.china.org.cn/english/China/83637.html> (дата обращения: 06.05.2019).

87 Касенова, Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану / Н. Касенова. — Париж: IFRI Центр Россия /ННГ, —2009. — 31 с.

88 Высокое качество дороги для нас важнее всего (интервью с генеральным директором представительства CRBC в Кыргызстане Чжаном Цзюнью) // Вечерний Бишкек. —2010. — 10 янв. — С. 2.

89 Аллисон Р. Центральная Азия и Закавказье: Региональное сотрудничество и фактор российской политики. — М., 2004. — С. 11